

СЕНТЯБРЬ
1999 9

Литературно-художественный
и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

В номере:

Валентин МАНУХИН.
«На куски поразрубят
Россию...»
Цикл стихотворений.

Эмма ТЕРЕНТЬЕВА.
Миниатюры.

Газета «Левый марш»
обгавкала писателя
Евг.Ларина. Наш суд
призвал орган обкома
КПРФ к ответу. Наш
журнал - из зала суда.

Мелекесские
литературные юбилеи.

ЧЕРЕМОШАН

сентябрь

1999

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

ПОСАД

"МЕЛЕКЕСС"

В НОМЕРЕ:

Елена Козлова. «Вещи есть серьезней...». Стихи.	3
Николай Нечаев. «Смерть прохиндея». Повесть.	7
Валентин Манухин. Стихотворный цикл.	23
Юрий Оболонков. «Все кончается...» Стихи и проза.	27
Валерий Гордеев. «Черный полдень».	
Приключенческая повесть. Продолжение.	36
Эмма Терентьева. Миниатюры.	70
«В России мы не худшие...» Вести из ДПО.	73
Наши гости из Отрадного. Стихи.	77
«На зеркало неча пенять...» Из зала суда.	81
Мелекесские литературные юбилеи.	
(Д.Григорович, Н.Шелгунов, А.Веселый, А.Лебедеико).	87
«Мелекесские дивы». Фотовернисаж.	93

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

**На наш журнал
можно подписаться
только в его
редакции, с любого
месяца. Стоимость
одного номера -
5 рублей. На год -
50 рублей.**

**Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.
Компьютерный дизайн: Т.Царева.
Техническое оформление: А.Ефремов.
Номер иллюстрировал художник Г.Генераленко**

**Редакция извещает о том,
что с согласия авторов их
произведения временно
публикуются на
безгонорарной основе.**

**Компьютерное
обеспечение редакции
«Димитровград-панорама»**

© «Черемшан» 1999

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.
Сдано в набор 17.09.99. Подписано в печать 1.11.99.Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 6. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 5759
Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии,
433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

«ВЕЩИ ЕСТЬ СЕРЬЕЗНЕЙ...»

ПСАЛОМ

На улицу иду я, как на пытку.
Ха! - чья-то, как шлепок, улыбка!
Врываюсь я в автобус очень прытко
Молю я об одном, всегда забытом:
- Не погуби, Господь, не погуби!
Не дай принять жестокости порока.
Я верю всем, и все ко мне добры.
И я к вам, люди, тоже не жестока...
Неверующим жизнь, как воям - схватка
За право править по своим повадкам.
В глазах триумф, а разум все же колет!
И тихий голос колотого молит:
- Не погуби, Господь, не погуби!
Не дай принять жестокости порока.
Я верю всем, и все ко мне добры.
И я к вам, люди, тоже не жестока...
Не так страшны на этом поле бранном
Ни кровь, ни зло, ни вид открытой раны.
За жизнь дерясь, не забывай и ада,
Но помни - гибель - это черту ладан...
- Не погуби, Господь, не погуби!
Не дай принять жестокости порока.
Я верю всем, и все ко мне добры.
И я к вам, люди, тоже не жестока...

О СТИХАХ

Я на старом крыльце магазинном
Обнимаю свой сырый лоток:
В нем не водка - стихи и картины!
Только люди глядят на витрины,
Дышат паром веселым и винным, -
Слышу шарканье пьяненьких ног...
Мой товар в бумажонке простецкой
Не похож ни на хлеб, ни на соль,
Но зато он - отменное средство
И знакомое с раннего детства, -
Что излечит и горе, и боль...
Подходите, берите, хоть даром,
Пообщайтесь стихами со мной!
Но проходят «читатели» к старым
И привычным прилавкам и тарам,
Разноцветным наклейкам и барам,
Не гнушаясь великой ценой.
Мой товар неказист и не моден, -
Только я виновата ли в том?
Да, столетья поэзия бродит
И столетья под выдержкой ходит,
Чтобы стать настоящим «вином», -
Словом крепким, великим добром...
Я на старом крыльце магазинном
Обнимаю свой сырый лоток:
В нем не водка - стихи и картины!
Только люди глядят на витрины, -
Слышу шарканье пьяненьких ног.

Покажу тебе фотоальбомчик.
Стукну ногтем:
- Бывшие друзья!
И смущенно повторяю фразу:
- Это я, и это тоже я...
До чего жестока эта фраза,
Бывшие, ах, бывшие друзья!
Можно выплакать себе хоть оба глаза,
Но разжалобить сильней уже нельзя...
Хотя, знаешь, вещи есть серьезней.
И, в конце концов, есть что-то впереди.
Так что надо быть с глазами осторожней, -
Для иной нужды их береги...

МОЕЙ «ЛОШАДКЕ»

*Я устала от привычки-привыкания скорбить,
От теней, коня и брички, не желающих ожить.
Что же делать? Строить бричку?
Я в пугающей тиши
Своей розовой лошадке
Нарезаю камыши...
Понесет меня лошадка - сквозь недуги, мимо зла.
Посмотрю назад украдкой:
Неужель опять одна?
Обгоняющему лету я успею прокричать:
«С того края - лучик света не забудь ко мне послать!»
Распрягая в понедельник свои бледные мечты,
Я смотрю, как жаждут денег, - чьи умы уже пусты.
Уези прошу, лошадка, вдаль от глупости и лжи!
Хоть со мной не так уж сладко,
Но, дружнице, послужи...*

О РЕЧАХ

Допрыгалась... допелась... дорезвилась!
На площади кто - плачет, кто - молчок.
Таким, как я, не надо резать крылья, -
Достаточно подрезать язычок...
Но я в себе открыла снова силы, -
Благодарю за чей-то громкий плач,
Я тоже не люблю одежду унылых.
Люблю тебя, в себе люблю, палач...
Не обезумевши от той мольбы, от страха,
И спешно примеряя свою роль,
Наградой мне и карой ваши «ахи»
За выстраданную большую боль.
Я призываю молча, только взглядом.
Я сочиняю бессловесный стих...
Таким, как я, не надо брызгать ядом.
Палач мой, брат мой, что же ты притих?!

Повесть

СМЕРТЬ ПРОХИНДЕЯ

• Николай • НЕЧАЕВ

- Николай Григорьевич - новый автор в мелекесской литературе. Родился в 1930 году в Бузулукском районе Самарской губернии, в крестьянской семье.

- После окончания средней школы уехал в Ташкент, где и закончил госуниверситет.
- Затем работал в областных газетах Каракалпакии, Кашкадарьи - журналистом. Много лет был корреспондентом Узбекского комитета по радиовещанию и телевидению.

- Наряду со статьями, очерками долгое время создавал рассказы и повести из дорогой ему российской жизни.
- Теперь перед Николаем Неचाевым стоит вопрос об их публикации. Журнал «Черемшан» предоставляет ему свои страницы для первой публикации на мелекесской земле еще и потому, что теперь Неचाев стал настоящим беженцем из республики, которой отдал так много лет и творчества, - а сегодня он и его семья наши приятели и укрытие в Причеремшанье.

1.
Давно не живу в Сухой Грачевке, а основные новости мне известны - Нюра сообщает, сестра джуродная. Пишет она по-старомодному. Начинает так: «Письмо пущено». Затем перечисляет всех, кому передает поклон. Дальше идет список от кого поклон, в конце еще перечень лиц, которые велели кланяться.

Вот так она писала о смерти Красняка: «У нас Прокофий Арсенкин помер. Мучался перед смертью долго: пузо у него пухло, ноги отекали. Люди говорили, что это ему бабские слезы отливаются. Поземка в ту пору дула, свету божьего не видать, могилку шесть мужиков рыли: сперва дрова жгли, а потом копали. Ты, чай, его помнишь, Прокофия-то?»

«Чай, помнишь?» Помню ли я его? Вернее, пожалуй, будет сказать: с каких пор помню?

2.
Отец перед войной в Белоруссии служил. Мы от него приехали к бабушке. Помню, мама взяла еще с собой Алешку, который совсем был маленьким, и пошли мы в лавку. Утром прошел дождь, поэтому шли косягором, вдоль порядка: среди улицы грязь стояла непролазная. Алешка раскапризничался, разревелся - не могли мы его унять. Мама заводила с ним разговор про конфетки, про лошадку, на которой он скоро станет кататься, - ничего не помогало,

- Ага, - говорит, наконец, она, - вон идет дядя Пронька! Сейчас я тебя ему отдам! Дядя, забери паксуна!

Навстречу шел Красняк. Шел вразвалку, ссутулясь, прищурив глаза.

- Вот я его сычас, туды... его мать! - выдавил он из себя хриплым голосом, делая страшное лицо.

- Прокофий, как тебе не стыдно? - взмолилась мама, - сказал бы, что в мешок посадишь, или еще что-нибудь.

- Посади его в мешок, а он его весь... обгадит! Пра-а! - подмигивает он и хохочет.

От его хохота звенели, по-моему, стекла в ближайших окнах. Ему было весело еще и потому, что сказано все было натуральным русским языком.

Алешка притих, прижался к маме. И потом еще долго смотрел вслед Красняку, как затравленный волчонок.

С тех пор, как только он начинал шалить, ему говорили:

«Сейчас отдадим тебя Красняку!» И он тихим становился.

И не только его пугали. Слышал, как дед Митрофан страшал своего внука: «А вон Красняк идет с кошелкой!»

3.

За Малашкиной избой, рядом с проулком, глубокий овраг. Зимой, под вечер, там тьма малышей: кто катается на санках, кто на ледянке, а кто и просто так - на штанах. Галдеж обычно стоит до тех пор, пока не стемнеет.

Помню Красняка, выезжающего из проулка верхом на чалом маштаке. За спиной у него берданка, сволоком вниз, рядом серая собака, тощая, как коромысло. Лошадь низкорослая, он ее пытается разогнать, бьет пятками под живот, а она еле тащится. У самого глаза посоловелье какие-то, странно смотрят из-под татарской шапки.

Мальчишки окружили его, кто-то стал веревкой нахлестывать Чалого. И тот вдруг затрусил рысцей, оттопырив хвост и выпуская газы. И Красняк закричал вдруг дурашливо, обращаясь к кому-то невидимому: «Ну, смотри у меня, попадись! - И уже тише добавляет: - Без пол-литры! Пра-а!»

Домой я вернулся, когда стало совсем темно. Бросил у ворот ледянку, сделанную из коровьей лепешки, и быстрее в избу.

- Что, озяб? - спросила меня бабушка.

- Да, озяб! - огрызнулся я с раздражением, так как действительно промерз до костей.

- Ты, как Калистратка, - смеется она. - Тот пришел с мороза, а мать ему: «Маленький». - А он ей: «Да, маленький!» - «Воробышек!» - «Да, воробышек!» - «Чай, озяб?» - «Да, чай, озяб!»

Немного отогревшись, я спросил бабушку:

- А Красняк, дядя Пронька, кем работает в колхозе?

- Обьездчиком, по-нонешнему - фуражиром.

- А что делает?

- Вот когда ометы в степи сметают, сено или солому, он их считает, записывает, места запоминает, чтобы под снегом легко можно было найти. Потом объезжает всю зиму и глядит, чтоб не растащили.

- Да, их растащишь! Руки порежешь, - вспомнил я вдруг, как мы на гумне делили в одной скирде сквозной ход.

- Разве руками растаскивают? - вздохнула бабушка. - Растаскивают возами.

Она загремела у печи посудой и спросила шуточно:

- Ужин-то тебе собирать, аль деньгами возьмешь?

4.

Ростом Красняк был, пожалуй, с сажень. В плечах немногим меньше. Кулаки - арбузы среднего размера. Лобастый, лицо красное, словно его жженым кирпичом натерли. Может именно поэтому прозвали его Красняком. А может быть и не так: их настоящая фамилия Красиковы. А по-уличному они Арсенкины - дед Арсентием был.

Когда смотришь ему в глаза, они вроде бы какой-то пеленой подернуты. Цвет непонятный - бутылочный, взгляд безразличный. Но стоит ему приоскалить зубы, как по лицу веером разбегаются веселые морщинки, а в глазах сразу же играют искорки. Тут он, подмигивая, обязательно должен сказать свое заветное: «Пра-а!»

Это означает то ли старинное «право слово», то ли не оконченное слово «правда», то ли еще что-то, только ему понятное.

Ходил вразвалку. К одежде, как и многие на селе, был безразличным - считал, что «попа и в рогожке узнают».

Еще следует добавить: пил много, безотказно, в любой миг дня и ночи, но пьяным, в смысле ничего не соображающим, его, пожалуй, никогда не видели: собутыльники расползутся по кустам и канавам - распьяным-пьяны, а ему хоть бы что. Только разве лицо еще больше наливается краской, да чаще толмит свое: «Пра-а!»

Друзей у него было множество. А закадычным был один: Фролка Мартынкин. Тот был росточка маленького, а в плечах широким: «Что шоком - что боком» - шутили в его адрес.

Фрол Сидорович постоянно твердил: «Пронька Красиков - мой брат родной, мы с ним самые сильные на селе». Раньше, вроде бы, даже игра у них была такая: подлезут под лошадь, поднимают и кто больше продержит.

- Руки у меня плохими стали, - жаловался Фрол. - Против силы не терпят. Намедни схватил маховик на мельнице - а они скользят.

Он - ровесник Прокофия. Такой же прохиндей, если не хлеще. Последнее время работал заготовителем: принимал от населения шкуры домашних животных, волчи, лисьи, заячьи, весной мальчишки заваливали его сусликовыми шкурками - несли мешками.

Когда Фролка хвастается своей силищей, Красняк благодушно улыбается. Рассказывали, что во время одной попойки Прокофий выкинул своего закадычного из окна, как котенка вышвырнул. Тот скользнул по сырой лебедке и скатился к тополям, в крапиву, где надрывно стонал и охал. Наконец друг смиловился, вытащил его оттуда. Налил по полному. Выпили они и помирились. Запели свою коронную песню: «Ох, ах, в лопухах, она не давала!»

5.

Еще была одна незабываемая встреча зимой на мельнице. Безруковский ветряк на краю села, на возвышенности, в излучине Соросьего дола. Выше пруд, левее - кладбище. Мельницу ставили знающие люди: здесь всегда ветер, особенно в зимнюю пору. Безруковы построили ее перед первой германской войной. А потом, когда она отошла к колхозу, у Ивана даже ключи не отобрали: превратился он из хозяина в простого мельника. Когда началась нынешняя война, отец, уходя на фронт, передал ключи сынишке, Степану, который стал выполнять отцовские обязанности. Мальчишка сделался незаменимым человеком, к тому же на Ивана вскоре пришла похоронка, так что должность осталась за сыном навсегда.

Ходил Степка в отцовской шубе, в припудренной мукой шапке. Он что-то крутил, словно колдовал у больших деревянных валов, у шестерен с кленовыми зубьями.

- Вот это, думаешь ты, что? - спрашивал меня Степан.

- Откуда я знаю?

Я действительно не знал, для чего служат эти большие ступы, одетые на кол: на одной из них висела цепь.

- А по физике ты разве не проходил? - не отстает он.

- Физика у нас есть, а что?

- Это же ворот, палку сюда поперечную вставляешь, и крути себе на здоровье - вся крыша с крыльями будет поворачиваться, - поясняет Степан.

- А зачем ее поворачивать?

- А как крылья на ветер поставишь?

Мы, мальчишки, с завистью смотрели на Степана: головастый, все умеет.

А бабы его постоянно упрасивали:

- Ты мне, сынок, пемелчее мели, отрубей чтоб меньше было.

В таких случаях Степан показывал на планку около рукава, из которого сыплется мука, и говорил:

- Смотрите, я же на все прибавил - дальше некуда.

Красняк был здесь заведующим. Он делал главное: брал плату за помол, так называемый «гарец». Натурой брал, кажется, десятую часть. Для этого у него был безмен с большущей шишкой, было несколько сусеков: для пшеницы, ржи, ячменя, овса. На толстый свой палец он наматывал шнурок, свитый из суровых ниток, и, медленно передвигая стержень с шишкой, искал фунты. Надуть на таком инструменте ничего не стоило.

- Давай досыпай, досыпай, бабка! Вишь чуток не хватает, - подгонял он Каштаняху.

- Ты что ж, окаянный, с пуда хошь восемь фунтов взять? Разуй свои зенки-то! Сколько у тебя там? Аль не видишь, аль тебе глаза застило?

- Здесь у тебя более пуда, бабка, - оправдывается Прокофий.

- Неужто я в свои годы-то смогу на салазках более пуда привезти?

- Беру сколь причитается, Матвевна, не себе беру, а государству, в казну беру!

- Знаем мы тебя, кобеля проклятого! - не успокаивается старуха. - Знаем твою глотку ненасытную. Люди вон на фронте жизнь кладут, а ты тут приладилс жуль. Мне правления пуд дала, так ты и это ополовинишь?

- Ладно, ладно тебе, Матвевна, - идет на попятную Красняк, - вспомни молодые-то годы. А? Ты тогда не такой была! Пра-а! Дед-то мой, Арсентий, с кем тебя прихватил в обезьяновом лесочке? С Васькой, кажись, Адаксиным? Помнишь? Пра-а! Ты умоляла его никому не сказывать! Пра-а!

Он знает чем пронять старого человека: напомнить буйную молодость, байку какую-то расскажет, подмигнет разок-другой, глядь и обида стала не обида, а так, суета, успокоился, одним словом, человек.

- У, кобель проклятый! - повторяет теперь уже более добродушно бабка Каштаняха.

А заведующий уже шумит на других, на всю мельницу голос его раздаётся:

- Степан! Тихону не давай засыпать, он еще гарец не отсыпал! Не давай, говорю, а то сейчас жернова остановлю!

Пользуясь тем, что Тихон привез на лошади чуть ли не мешок, и его зерно будет долго молотиться, мы утягиваем Степку на самый верх мельницы, под тесовую крышу, где разговаривают деревянные шестерни и натружено скрипит огромный вал, на котором и висят, собственно, огромные крылья.

- Стёп, а вот если снизу ухватиться за крыло, можно остановить мельницу? - спрашивает у него кто-то из пацанов.

- Нет, что вы. Инерция большая, - серьезно так отвечает Степан.

- А если Красняк возьмется?

- И он не остановит.

- А почему он кричит так: «Остановлю!»?

- А он всегда кричит, надо же пугать.

6.

У Гудкова двора длинная завалинка, обмазанная красной глиной. Здесь вечерами собираются мужики со всей улицы. Старшие сидят, помоложе примостились напротив: кто поджав под себя ноги, кто на корточках. Каждый старается не пропустить ни слова.

Красняк если присаживается иногда, то непременно на самом почетном месте.

- Я снова чуть пить не перестал. Пра-а! - рассказывает он, и глаза его озорно поблескивают. - Лежу как-то в избе и думаю: «Неужто я должен обязательно травить себе нутро?» Три дня опосля в рот не брал. Гаврюшка прибежал - я его прогнал. Фролка как-то заглянул: вроде бы и дельное калякает, а сам опять про то же, туда же гнет. Я и его - взашей.

- Ну? - удивленно вставляет кто-то из мужиков. - Не может быть, Степаных!

- А что, разве я стану зазря трепаться? - обижается Красняк и умышленно дает небольшую паузу.

- Мож заболел? - спрашивает другой голос.

- И как же ты? - осторожно подталкивает рассказчика Петька Забродин. - Небось баба поднесла и приволила?

- В том и беда! - оживился Прокофий. - Из-за них, можно сказать, и несем крест. Вызывает меня, значит, председатель и сказывает: «Приехала, значит, из райзо инспектор. Ты ее вези по люцерникам, по сенокосам - пушай все поглядит в каком у нас это дело состоянии». Глянул я на инспектора: бог ты мой, она как покойная Лукерья, в дверь еле протискивается. На лавке трое могут уместиться - она одна сидит. Да ты ее помнишь, Семен, - обращается он к Самохину, - экуированная она была в войну... Белоконь что ль ее фамилия?

- Была такая, была, - подтверждает Семен. - Она опосля войны совсем немного жила, потом уехала к себе на Украину.

- Ну, поехали мы, значит, - продолжает Красняк. - Села она в двуколку, а мне и места нету: кое как на подлокотнике притулился. Повез ее в первую очередь в Черемуховый дол - там люцерна тогда была хорошая. Достала она сажень раскладной, мерить стала, все что-то пишет в книжку. Поехали дальше. Везу ее к дальнему пруду: горох там с викой в то время был. Посмотрела она. Понравилось ей. Оттоль прямо к Чистому озеру, на луг, значит. Там я снял хомут с лошади, пустил ее покормиться, а сам прилег под тележкой. И она сажень отбросила в сторону - ко мне. «Вот, грит, Прокофий Степанович, старыми мы становимся, чуть походила и дышать нечем. А в молодье-то годы думали нам износу не будет». Я поддакиваю: так, мол, так. Вот мы с ней и разговорились. А там глядь, бутылку она из баула вытащила. Припасла, значит.

Красняк делает кислую гримасу, разводит руками, подчеркивая безвыходность положения.

- Пришлось, - говорит он, вздыхая.

Мужики довольно хихикнули, придвинулись ближе, в самый рот ему заглядывают.

- Выпил я, значит, первым и говорю ей: «Злая какая-то, дышать нечем. Пра-а!» А она мне в ответ: морг, морг. Ох, и баба, я вам скажу: с виду вроде бы квелая, а тронешь - крепень.

- Вот и бросил пить, - горестно вздохнул Семен.

- Вот так и бросил, - вторит Красняк.

- А дальше что было, Прокофий Степанович? - любопытствует Колька Малявчонок.

- Дальше-то? - улыбается Красняк. Обли-

зывает губы и еще раз переспрашивает со смешком. - Дальше-то? А дальше поехали, значит, дальше. Домой поехали!

Мужики смеются до слез, хохочут. Хохот будоражит тишину улицы, в соседнем дворе на него дружно откликаются гуси.

Когда все успокаиваются, рассказчик добавляет:

- Опосля, дескать, как только она приезжала, Петрович ко мне посылную направил: «Вези, дескать, севооборот проверять». Пра-а!

7.

Сенокосная пора имеет свои запахи: дурманящий аромат шалфея, мяты, ромашки сопровождают всюду. Он с тобой и когда приезжаешь в село, сидишь в клубе, спишь в постели. Одноклассница Настя Селезнева, как только вернулась из города, в первый же вечер определила, что я работаю на сенокосе.

Бригадир Федор Тишкин ранним утром перебрасывает меня в Широкий дол. Остановились у колодца, он повстречил выгоревшую гимнастерку, и сказал:

«Видишь, какой простор: востречик, арженечик, овечья трава - разное разнотравье. Вот и коси. Закончишь - в Каменный дол переедешь: он вот здесь, за бугром».

Федор походил еще немного, похлестал кнутом дудки и дурманник, затем наказал, чтобы я на ночь обязательно приезжал в село, а лошадей путал у мельницы.

- Коси больше, чтобы Лушка могла завтра копнуть, - произнес он уже под стук колес.

У меня в травокоске две лошади. Отбросившись назад в удобном сидении, подхлестываю то одну, то другую.

«Так-так, так-так! - стрекочет коса: трава ровненько валится за полотно. Где бугорок - бреется почти до земли, в выбоинах остаются зеленые блестящие. Карюха спокойная, и идет ровно, по самой бровке, а Буланый, которого мальчишки почему-то прозвали Огоптелым, выгибает шею дугой, хочет оторваться и уйти в сторону. Но я его знаю немножко - в прошлом году он ходил у меня в граблях.

«Так-так-так!» - поет коса нескончаемую песню: зубья расчесывают свалывшиеся кустики и направляют туда, где жало - где бегают сегмент по плашке.

Иногда из-под косы выскакивают перепуганные перепелки: они не вылетают, а как-то выпрыгивают, только потом отлетают в сторону. В гнезде серые конопатые яйца: самка насиживает их и терпит до последнего.

В обед, когда лошади наелись, я решил размяться и пройтись вверх по доли. По ширине он, видимо, метров пятьсот, а то и больше. Ровный, даже на самой середине нет промоины, берега пологие, за ними шумит белыми остями многолетний ковыль.

Прошел я по нему до самого истока, где низина теряется совсем: сам гребень уходит влево, к своей горе, она из цепи Общего Сырта, а народ зовет ее просто: «Казачий бугор». Здесь такое место, где вода с одной стороны сугроба может бежать в Волгу, а с другой - в Урал. По водоразделу проходят старье, расплывшиеся от времени, борозды - межа Уральского казачьего войска. Отсюда начинались «казачьи пределы».

За межой местность свежее: по оврагам леса, где весной земляника, потом наступает сезон вишни, затем терн собирают. Склоны крутые, не совсем удобные для пашни: на них раньше богатые казаки держали табуны лошадей. Стерег табун жеребец. Рассказывают, что хозяев он узнавал по голосам, а остальных не подпускал: мог сбить грудью, растоптать, покусать. Его даже волки боялись.

Наши селяне нередко нацеливались в казацьи пределы: то сенца накосят, то пять-шесть осин срежут на оглобли. Но не дай бог попадутся на глаза казакам - до самой межи будут гнаться, догонят - отхлещут плетьюми. Ну, а если перескочил крестьянин между - его счастье: пальцем не тронут. Вот такие страсти тогда здесь кипели. Все это было давно. С тех пор много воды утекло и в Волгу, и в Урал.

На следующее утро Федор привез Лушку, несколько жердей для шалаша и охапку дров, чтобы мы могли кипятить чай; кашеварка нам не полагалась, продукты мы должны были приносить из дома.

Вскоре приехал на граблях Петька Семенов. Из скошенного сена мы с ним быстро соорудили шалаш: теперь и от дождя, и от солнца было куда скрыться.

- Вы Лушку берегите, - шутиливо наказывал нам бригадир, прощаясь. - Не давайте в обиду, пособляйте, нам ее еще замуж отдавать надо!

- Хи-хи-хи! - звенит Лушка колокольчиком. - Тоже скажешь, Федор, кому я нужна с двумя хвостами-то?

Лушка пухленькая, белолица, на щеках у нее симпатичные ямочки. Муж у нее пропал в сорок первом, без вести пропал. И вот уже несколько лет прошло, как кончилась война, а о нем ни слуху, ни духу.

Втроем было веселее. Мне повезло напасть на большую поляну с высокой травой, косилка натружено гудела. Лушка, чтобы лицо не сгорело, обвязала его белым платком, оставила только прорезь для глаз. Работала она споро.

День начался хорошо, но потом случилось непредвиденное: наткнувшись на корень многолетней полыни, я поломал косогон. Вернее не поломал, а щечки стальные, которые приклепаны к дубовому бруску, погнулись. Пришлось садиться на Карюху и скакать в кузницу.

Кузнечил в ту пору дед Никита. Он молча взял косогон, потрогал большим пальцем покорёженную железку и сказал:

- Твоей вины здесь нету, паря. Металл, тово, плохой. Из бороньего зуба проходило делать.

Он помолчал малость, затем предложил:

- Если, тово, за молотобойца поработаешь, быстро сделаем. Иван у меня заболел, а что я один могу? Старые мы с ним: порем, кто к горну встанет? Ну, давай, тово, берись, дуй, а я пойду тебе железку подберу.

Никита потомственный кузнец. Еще его родитель славился мастерством, со всей округи везли ему в ремонт косилки, лобогрейки, молотилки, катили шиновать колеса, вели на подков лошадей.

- Вот я тебе, тово, из тракторного клапана сделаю - стоять вечно будет, - говорил дед из дальнего угла, где у него груды разного хлама. Сказал и засомневался: - Это-то будет стоять, поди еще что-нибудь сломается! Косилки-то старые.

- На моей написано: «Маккормик».

- Да, американские они. Нашу, советскую, одну вон привезли зимой. Что это для колхоза? Машину одну дали - председателя возит.

Огонек в горне полыхает синим пламенем, а дед все поворачивает разными сторонами раскаленный кусок металла. Вот он, наконец, выхватывает его из огня и, не выпуская из щипцов, бросает на наковальню.

- Бери кувалду! - командует он. - По какому месту молотком стукну, туда со всего маху бей! Ха! Вот так! Ха! Вот так!

Через несколько секунд стали вырисовываться контуры щечки. Но металл остыл, снова надо класть в огонь.

- А ты ловко махаешь, - похвалил он меня. - Аккурат бьешь. Шел бы ко мне. Я бы из тебя хорошего мастера сделал. Не хошь? Вот и другие так. Не нравится

молодым, тово, наше ремесло. А кто умеет, тот сбегает. Вон Прокофий Арсёнкин, лет, почитай пять у меня был: теперь, поди, заставь его. Глаза, грит, у меня больные, на огонь глядеть не могу. Шельма, а не мужик. Степан Арсенич-то, сам строгим был, а дети, поди ты, лодыри...

Старший, Лексей, так тот тоже у меня учился. Бывало ему говорю: «Завтра пораньше приди, Лексей, работа есть». Он в полдник является. Шмара у него, значит, была в казаках, красивая, сказывали. Он к ней, тово, по ночам шастал. А днем уйдет за кузню, в лебеду, отсыпается, значит. Они, казаки, бывало, кружку не дадут опоганить, староверами были. Однава встретили его, тово, значит шашками не стали рубить - на них грех сразу ляжет. Взяли да хрястнули по виску люшней. Так и не нашли виновного: разве своих выдадут. А тут германская началась, казаки на фронт отправились.

- Лешкин лес! Это там, что ли, было?

- Да, лес с тех пор так Лешкиным и называют.

Дед еще раз выхватил заготовку и скомандовал:

- Берись!

И опять пошло.

- Ха! Вот так! Ха! Вот так!

Солнце давно перевалило зенит, когда я подъехал к Широкому. Еще издали увидел Буланого, который чипал траву у самого колодца. У шалаша еще одна лошадь, гнедая. «А это еще чья кляча?» - подумалось мне.

Стреножив Карюху, я скорее пошел к косилке прилаживать косогон. И тут только до меня дошло, что гнедая из третьей бригады. В последнее время на ней ездил Красняк. «Фуражир что-то рано приехал».

Косилка - ниже шалаша. Слышу, как они там разговаривают. «Бу-бу-бу» - это голос Красняка, слов не разобрать. А ее отлично слышно: «Ой не говорите, дядя Пронька!» - стрекочет она.

Я особенно не прислушивался - не до того было - дело не ладилось. И вдруг оттуда раздался крик. Лушка орала истошным голосом. Что-то он с ней там делал. Я бросился туда с косогоном в руках. Как ударил, куда ударил - не помню. Помню только, как что-то екнуло, и Лушка замолчала. Стало совсем тихо, слышно было как гнедая гремит уздечкой.

8.

На сейкосо всегда бывает старший, который вроде бы руководит косцами, а в действительности только точит косы.

Старшими назначают бывалых мужиков. У нас таким был Гаврила Мурашкин, закадычный друг Красняка, соратник, я бы сказал. Стан его в Грачихе: там три косилки работало. Я возил туда точить свою косу.

Гаврила мужик рассудительный, любит поговорить. Там у него специальное точило, из-за которого он почти весь день не встает. Камень содержит в порядке, работает медленно, на совесть. Когда закончит точить одну грань, большим пальцем пробует жало, только потом переходит на другую кромку.

Крутить точило ему надо равномерно, плавно, без рывков, тогда и разговор получается соответствующий: крутишь, а он все говорит и говорит.

- Прокофия Степановича здорово ты гвозданул. Лежит мужик, не встает. Ребра, говорят, поломаны, кашлянуть не может - боль страшная. А вчерась у я него был. Но на тебя он не в обиде. Так, грит, и передай - «Не в обиде». А встанет, собирается к Лукерье: повиниться хочет. А вообще-то Степаныч мужик мировой. С ним не пропадешь. Нет, не пропадешь.

Вот я тебе один случай расскажу. Отправляли нас прошлым летом в лесхоз, на двух пароконных фурах велели ехать. Туда, значит, впустую, а обратно мы

должны были кругляк захватить для стропил. Денег на дорогу не дали: в правлении у счетоводки касса совсем пустой оказалась. Туды-сюды помотались мы с ним - перехватить ни у кого не смогли. Решили овса побольше взять. Говорим завхозу: конец-то, мол, не близкий - только в одну сторону, почитай, около ста верст, дай-де нам овса килограмм по двадцать на голову. Выписал он. Мы к Никишке, на склад. А тот не дает: ни овса, ни ячменя у него нету. Давай, грим, пшеницей. А он нам: «Какой дурак лошадь в дороге пшеницей кормит? Сена поболее накладите и езжайте!» Вроде бы мы без Никишки про сено не знаем - сено мы и дорогой найдем сколько надо. За мешок зерна можно что-то выменять - для этого овес нам нужен был.

Гаврила перебрасывает косу из руки в руку, начинает заточку с другой стороны. Держать ему ее на первых порах тяжело. Справился он с первыми сегментами, и легче дело пошло.

- Ну и как же вы поехали? - спрашиваю я его.

- Как поехали? Как довелось, так и поехали ни с чем: даже похмелиться не на что. Ёда в рот не лезла. К вечеру подъезжаем, значит, к мосту через Бобровку. И прямо на постоялый двор, к Вере Сафронкиной. Вид у нас не ахти какой, мешочки свои с едой прихватили. Пустила она нас в избу, а сама там копошится что-то по хозяйству: то зайдет, то- выйдет. А тут телок ногами стучит по половой доске, мокрый еще, только что у нее корова отелилась. Я тоже пошел лошадям сенца задать. А вернулся, телок мычит, мечется, ногами будто сербиянку отбивает. Вера как взошла так и обомлела: надо же, телок большим оказался. Она к нему: и так и сяк его обхаживает - он свое продолжает. И сама она стала бедной - не знает, что делать. Собралась было за фершалом бежать. Прокофий остановил ее. Остановил и спрашивает: «Ты молозивом сразу поила?» - «Поила». - «Стал быть, много ты ему дала. Опоила ты его. Я от этого наговор знаю. Если хошь, испытаем на твоём телке?» А хозяйке куда деваться? «Пробуй», - говорит. «Только вы все идите во двор, - провожает он нас. - Я ему должен громко эти слова сказать, дело со всевышним связано».

Возвращаемся мы через пару минут - теленок здоровый, Степановичу руку лижет. А тот его другой рукой по шее гладит. Хозяйка повеселела, огонь на загнетке развела, на стол стала собирать, бутылка, конечно, появилась. Вот он какой, Прокофий Степанович Красиков-то!

- Он, наверное, сам что-то сделал с теленком? - засомневался я.

- Я его спрашивал потом, он мне ничего не сказал. Думаю, что здесь что-то было связано с иголкой. Он иголку в фуражке носил, с черной ниткой она у него была, по-солдатски закручена. Когда это произошло, гляжу черная нитка на мокром месте, рядом с телком валялась. Я на это сразу не обратил внимания, а через день попросил у него зачем-то иголку с ниткой, а он мне только одну иголку дает - нитку, говорит, я израсходовал на свои штаны.

- В ухо воткнул ему, он и заматался, - предполагаю я.

- Может быгь в ухо, может быть в хвост, в ногу. Мне он сказывал, что в это время с богом говорил, просил помощи.

Гаврила поправляет наждачный круг, для этого у него специальный камушек есть. И вновь берется за работу.

- Раньше второй постой мы в Бузулуке делали, там заезжий двор нашего колхоза был. А на этот раз гляжу, чтой-то не того, Степанович мой не торопится. В Александровке остановил лошадей у дальнего колодца, сбрую стал осматривать. Потом сам воды попил, лошадей стал поить. Я, значит, журавлем воду достаю, а он все на избу, которая наискосок стоит, поглядывает. Изба хорошая, шатром крытая.

Вдруг оттоль выбегает с ведрами светленькая такая бабенка: щечки румя-

ные, сама сдобная, как ватрушка. Прокофий ажник свистнул, затылок зачесал пятерней. «Слушай, - говорит ей, - тебя аль Раиской, аль Анфиской зовут. Пра-а!» «Может быть и так, - смеется она и грудями водит. - А может быть и не так». «Значит, правда где-то рядом, - продолжает Прокофий. - По глазам вижу. Хочешь расскажу тебе истинную правду?»

- Достает он из-за голенища карты, в газету завернутые, на передке раскладывать начинает. «Погадай, погадай, милый», - толкует она, а сама подвигается ближе, через плечо заглядывает. «Проверим, не врут ли? - говорят Прокофий и переворачивает первую карту. - У тебя черная корова. Так? Если нет, говори «Нет». Если есть - говори «Да». «Хорошо», - соглашается она. «У тебя черная корова есть? - повторяет Прокофий вопрос. «Да!» - отвечает она. «У тебя белая большая собака?» «Есть!» «Тебя Анфисой зовут?» «Да». «Вот карта, оказывается, не врут. Теперь можно и про будущее погадать. Расскажу тебе истинную правду, Анфиса. Только прежде ты мне за это должна ручку позолотить, а то карты врать станут и судьбу твою наизнанку вывернут».

«Это сколько же тебе положить на ручку, мил человек?» «Опохмелишь нас малость, да и ладно». «Опохмелить-то можно, бутылочка у меня дома есть, да только откуда ты, рыжий цыган, так много про меня знаешь?» «Знаю только то, что карта сказывает. А рыжий-то потому, что не цыган я, а только цыганским молоком вспоен, маманька у меня в ерманскую померла на дороге, а меня цыгане подобрали, в таборе всему учили». «Ой врешь ты все, да складно больно врешь, слушать приятно. Бывает же такое! Сами отколь, мужички?» - спрашивает она меня. Ему не верит, чувствую я. «Из Сухой Грачевки, - отвечаю, - верст семьдесят отсель до нас».

Бабе, значит, лет тридцать пять-сорок. Ладная такая, в работе, видать, проворная. Стала нас угощать: по одной налила, по второй, а сама все на окошко поглядывает. А затем говорит: «Мужички, у меня а лесу воза два сенца припасено, может быть, сгоняем, привезем, а? Я в долгу не останусь». Вишь, как обернула? И не откажешь: аванс уже выплатила... Пришлось ехать. Недалеко, правда, копешек десять там всего оказалось. Мы подаем, она так шустро раскладывает, топчет - быстро управилась. Ну и сено у них, я тебе скажу, как вата. А душистое! Наше-то разве с лесным сравнишь - быдыльги одни.

Гаврила размялся, походил кругами около своего точила. Я думал, на этом и закончился разговор. Однако конец тоже был интересными.

- Приехали, значит, - продолжал он удобнее усаживаясь, - свалили сено. А она нас теперь в избе не пукает. Осерчала: в мазанке нас укладывает. Оказывает, Прокофий, когда они на возу вместе ехали, хотел ее нахрапом взять, как Лушку анадьсь. А той и кричать нельзя: сено без спросу, видать, накосила. Чует: невагогу против него, она его уговаривать: мол, не торопись, потерпи маленько, в избе потом все сделаем, как надо, как полагается - противиться не стану, без мужика намаялся. Так и облапошила. Ночью у сений кобеля привязала, а он у нее как бык. «У тебя белая собака есть?!»

- Утром-то смеется. Накормила. Три бутылки завернула для лесхоза. Еще-де заезжайте, мужички, еще из лесу дровишек привезти надо. Отъехали мы малость, я, значит, спрашиваю:

«Прокофий Степаныч, а откуда ты разузнал все про этих: корову, кобеля?» «А-а, - сказывает, - прошлый раз одну их бабу подвез с мешками, и все у нее выпытал. У Анфиски одного мужика убили на войне, а второй в лавке торговал - теперь в тюрьме: помогла сесть, вишь какая прыткая? Ну да ладно, другой раз не подведет».

- Он что и взаправду гадать умеет? - спрашиваю я Гаврилу Спиридоновича.

- Бог его знает. Говорит всегда складно. Когда табор цыганский у Кривого

пруда стоял, я видел, как он с ихними мужиками буравли договаривался ковать. Потом баб их хватал за разные места. «Хошь, дорогая, погадаю: всю правду расскажу. Всё счастье у тебя впереди, а когда нагнешься - сзади». Молодухи хохотали, что им. Вот так, видать, и насобачился...

Язык у него хорошо подвешен. Когда случается ехать одним нам в город, без него - языки у нас присыхают, жмемса друг к дружке, как овцы, сразу видать - деревня. А его с панталыку не собьешь, дело знает, обязательно найдет такое, что мы во сне видеть не можем. Вот пример. Когда с собой молодых берем: Соколенка, Малячченка, Петьку Викторкина, то обязательно одну свадьбу в каком-нибудь селе играем. В селах нынче парней мало. Сидит такая красавица, ждет-пождет своего жениха, а его все нету. А годы бегут. Готова хоть за замухрышку пойти. А тут мы ей орла привозим, сокола нашего сельского. Сватаемса, все честь по чести. Стол накрывают, «Горько!» кричим. А за столом одни девки: еще, говорят, привозите нам парней. До регистрации мы не доводим: «Потом, когда в нашем селе гулять будем»...

Соколенка одна приезжала искать, из Скворцовки. Через Совет хотела найти. Он, поди, дён пять в Гусихе, у пруда скрывался. А Прокофий посаженным отцом был, тот в казаки ускакал, к брату, к Василию. Умора!

- Какой Соколёнок? Мишка что ли? - спрашиваю я.

- Нет, Иван.

- Так он женатый.

- Это в городе у всех паспорта, штампы стоят. А у нас деревня, на лбу, что ли, будешь печать ставить? Девки это сами на себе испытали. Парни из армии не возвращались, а она - попробуй-ка уехать в город. Вот они сидели и ждали.

9.

- Ты что, Красиков, дурака во мне нашел, что ли? - гудит гневно колхозный председатель Ананий Шеховцов. - Командировка выписана на неделю, а отчет на месяц подаете!

Родом Ананий с Волги, говор у него окающий. Человек он прямой, резкий, грубоватый. Все хождения своего колхозника он знает, все его делишки перебирает по частям.

- В лесхозе они тебе что хошь подпишут - им деньги не платить. Голова у тебя, Прокофий, скажу прямо, стоящая. Большим человеком мог бы стать. Вот только на плохой она у тебя шее: не туда воротит. Ты в школу-то ходил?

- Ходил малость, а в шестнадцать годов уже женатым стал.

- Что так?

- Невеста не могла терпеть.

- Понятно...

- Отец ее, покойный Никодим, грозился пристрелить, ежели увливать стану. И тятка трепку дал, у него тяжелая рука была!

- Ты слезу здесь не лей, казанс-

кой сиротой не представляйся. Правильно старики поступили. Ну, а с Дашкой когда?

- Это уже при колхозе: раз зазвала, другой... Пра-а!

- А Ольгу как охмурил? - смеется Ананий.

- Похоронку ей принесли, помогал, значит, - у нее три рта осталось: мал-мала меньше.

- Ох, и кобель ты, Красняк! - вставляет Ананий, - Бык ты мирской. На селе ведь не найдешь бабы, к которой бы ты не приставал. А ведь живешь, как кир-гиз, три жены имеешь. Посыльную за тобой посылать - не знаешь в какой конец направить.

- Я вот тебя посылаю в Бузулук за лесом, Красиков, - продолжает Шехов-цов. - Сам знаю: жулик ты - за бутылку тебе там, на полянках, лишку кладут. Ты на это по дороге гуляешь. И ничего я сделать не могу. Другого pošлю - ничего не привезет: накладная, скажет, не так оформлена. А ты мне пустые подводы не пригоняешь. За это тебя ценю.

Ананий вздыхает и говорит уже тихо и примирительно:

- Велю твоей команде, Прокофий, за две недели заплатить, шут с вами. Со-гласен?

- Давай хоть за две, Ананий Петрович, - соглашается Красняк. - Где наша не пропадала? Пра-а! Только теперь пушай другие едут.

- Как миленький поскачешь. Ты ведь теперь без большой дороги жить не можешь.

- Ну, я пошел тогда, Ананий Петрович, - говорит Красняк, прихватывая подпи-санные бумаги.

- Иди. У тебя там уже все собрались. Гаврюшка пробежал. Фрол Сидорыч что-то понес в мешке. Задами идут. А ведь не скумекают, что я их из окна хоро-шо вижу. Конференция у вас там намечается, обмен опытом. Собрание актива, так сказать.

- Нынче суббота, Петрович, банный день. Баня у меня знатная, по-белому топится. Дед Арсентий построил, покойный. В предбаннике полколхоза помес-тится. Пра-а! Надо воды натаскать, надо растопить. Вот мужики бегут побегать. Зашел бы разок, поглядел? Попарился?

- И пацаны к тебе липнут: учатся жить, хотят постоянно хмельными ходить, дурака валять.

- И они помогают, двор в порядке содержат, за огородом смотрят.

- Справка в Совете лежит, для райкома подготовили, - продолжает Шехов-цов. - За десять лет в Сухой Грачевке две судимости было: одну бабу за колоски привлекали, вторую - за карман пшеницы. Сам видишь, село у нас спокойное, люди по совести живут. Вот так. Давай договоримся, Прикофий: чтобы ты моло-дых в помощь не привлекал, в дорогу их не брал, чтобы институт красной про-фессуры здесь мне не устраивал. Когда один Красняк на селе - еще ладно, тер-пимо, а вот когда их будет сорок-пятьдесят, тогда они все село вверх ногами поставят. Прохиндеево царство будет, понимаешь?

10.

Разговоры о том, как я ударил Проньку Красняка «косогоном по горбатке» долго еще ходили по селу. В какой-то мере я даже героем выглядел. И сам чув-ствовал себя взрослым. Только бабушка была недовольна.

- Ох, отплатит он тебе этот Пронька, - говорила она с беспокойством. - По-помнишь меня, отплатит. Устроит он тебе что-нибудь в отместку.

Я и сам знал, что если представится случай, он его не упустит. Да что там случай, он сам что-нибудь придумает.

Когда убирают хлеб, в некоторых бригадах создаются дополнительные площадки, где зерно просушивается. С такого тока пшеницу везут потом к амбарам для очистки и сортировки.

Промежуточных токов не так много. Здесь же обычно ставят тракторы, комбайны, бочки с горючим и смазочными материалами, чтобы все это было под охраной.

Один из таких токов был на Ефимкиной дороге. Сторожил его в ночное время мой дедушка. Случилось так, что в один день под вечер ему вдруг «в поясницу вступило». Пришла фельдшерница, дала растирание и велела лежать. Стали искать бригадира, чтобы он послал замену на ток, но того не было - уехал куда-то.

- Не гоже добро оставлять без присмотра, - оказал дед. Поди, постереги ночь? Знаю, что ты с работы только вернулся, там отдохнешь, поспишь.

Нечего делать. Взял я с собой брезентовый плащ на случай дождя, оделся теплее и отправился.

Полевой стан на том берегу речки, напротив села. Но идти надо в обход, через плотину, это два-три километра лишних. Правда, был еще один путь, через висячий мостик. Но путь этот не для всех. Мостик этот очень хитроумно сделал в своем огороде Арсентий Красиков, дед Красняка. С тех пор так он и стоял. Арсентий, говорят, любил копаться в земле. Огород был у него богатый: крыжовник, смородина, яблони. А мостик он сделал из нескольких цепей и бревен, которые бегут с кручи на ветлу, стоящую на том берегу, в низине. На ветле площадка и сходи. Когда идет паводок, вода не достает до мостика. А сойдет полая вода, укрепится земля под деревом, сходи и работай. Плотины каждую весну прорывает, а мостик держится и хоть бы ему что.

Чтобы ребятишки не баловали, подходы к мосту надежно прикрыты: можно к нему пройти только с Красикова или Селезнева двора. Под обрывом ход надежно отрезан зарослями ежевики и крапивы.

У Селезневых в излучине свой огород, но беденький: огурцы, помидоры, капуста и все такое прочее.

Настя как раз была дома. Мы прошли с ней к плетню, к самому обрыву. Немного постояли. Я рассказал, что иду на ток, в охрану, что дед заболел. Она мне про болезнь матери говорила: у нее руки большие от работы на ферме, тоже одними растираниями живет. У Насти лицо круглое, веснушчатое, когда улыбается, красивой становится. Улыбаться ей редко приходится: мать постоянно на ферме, а дома еще три маленьких человечка, за которыми глаз да глаз нужен.

Я перебежал через шаткое висячее строение и оказался на том берегу.

- Тебе цветов нарвать? - крикнул я оттуда, чувствуя прилив шалости. - Или, может, яблочек стягнуть?

- Не вздумай! - испугалась Настя. - Обижаться буду! Мы и без того с шабрами не ладим.

И тут мне показалось, что за соседским плетнем скользнула тень: там кто-то стоял.

11.

Жуток, оказывается, быть одному в темноте, которая подступает со всех сторон. Слабенький серп луны вылез из-за горизонта и повис где-то над Казачьим бугром. А здесь, поблизости, вдруг начали пищать мыши, застучал лапками тушканчик.

В селе гармонист резанул переборы. Видать, вышел со своей «хромкой» Санька Кутепов. Фуражка у него, наверное, как всегда набекрень, голова скособочена на хилой шее. Сам он прозрачный, а песни у него разудалые. Любимая его

приветка про то, как на мосту случилась драка, били его товарища, а он вынул два кинжала и заступился за него. Один кинжал резал, а другой рубил...

И вдруг я вздрогнул от неожиданности: где-то позади, совсем рядом, из темноты послышался детский голос:

- Цоба! Цоба! Цоба! - кричал мальчик, стараясь завернуть быков направо. Расслышал я и скрип фургонов и другие голоса. Это был обоз, который шел на ток за зерном. По ночам работали одни школьники.

- Эй-й-й! Есть кто тут? - кричал передний, когда обоз приблизился вплотную.

Я узнал по голосу Володьку Чемадурчика.

- Кого надо?

- Ага-а-а! Есть! - обрадовался Володька.

Кроме Чемодурова приехал Петька Глухов, Васька Петухов, Витька Семенов, Колька Нюрыч. Пять мальчишек. Они окружили ворох со всех сторон и зазвенели ведрами. Я порядком прозяб и стал помогать Кольке, самому слабенькому из всех.

У Нюрки Кутеповой двое сыновей, один старше меня года на два, а этот, наверное, на столько же моложе. Два сына, а какая разница: старший глядит исподлобья, сопит, молчит. А этот приветливый, игривый, как воробышек. Говорят, что в метриках они оба записаны Петровичами, а в действительности они от разных отцов. Поэтому на селе их называют более достоверно - Нюрычами.

...Мальчишки побарахтались на ворохе, покурили и поехали, а я опять остался один в степи: темь со всех сторон, на душе жутко. Казалось, что рядом со мной, может быть, в той вон темной траве, что рядом с площадкой, кто-то есть. А левее два трактора пугают тенями. Я пробовал отойти в сторону, посмотреть на все оттуда, но как только шагнул с прикатанной полосы, сушняк предательски зашелестел под ногами. Я даже присел от неожиданности.

Вернулся на самую середину площадки, решил: будь, что будет. Зарылся в ворох, как советовало дома, закрыл уши шапкой, успокоился и заснул.

12.

Разбудила меня серенькая птичка, которая сидела почти у моего носа и пела: «Чив, чив, чив». Стоял молочный рассвет. Снизу, от реки, тянуло сыростью, на листьях бурьяна стеклянными бусинками светлела роса, ворох покрылся волглой коркой.

Я вылез из-под пшеницы, пробежался несколько раз по кругу. За площадкой стояли пеньки белого ковыля, стебли репейника и кочки старой полыни, а чуть дальше, у дороги, колючие палки татарника с малиновыми шапками: все было простым и попятным.

А тем временем тучка над горизонтом заалела, будто ее подкрасили с другой стороны. С каждой минутой она становилась все краснее, пока из-под нее не брызнул яркий солнечный луч.

Приехал Иван Платухин. У него фургон, приспособленный для перевозки горючего, - горючезовозка. Он привез керосин и теперь должен ждать бригадира, чтобы узнать какую сказку ему просить на нефтебазе, кроме того, нужны были какие-то бумаги. Ну, а коль он будет здесь, мне можно было идти домой.

Осмотрелся я в последний раз, повесил плащ на руку и зашагал по росистой траве. Пошел к реке, к Сороке. Я даже и не думал идти в обход, через плотину.

На душе было радостно от того, что переборол ночные страхи, что выполнил работу, что первым встретил рассвет. Солнце уже играло лучами в верхушках ветел, искрилось в чистой воде омута, между кустами острой куги и плоскими листьями кувшинок. Радовались и лягушата, крича на все голоса.

На подходе к мостику встретили меня опять, как старого знакомого, накло-

ненные ветви белотальника. Тропинка запетляла меж кустами, а рядом побежал плетень Арсёнкиного огорода.

Один поворот, второй. Еще - один... Здесь они меня ждали.

- Отколь это ты, Геннадий, в такую рань? - спросил Красняк, выходя из-за темного куста.

Мы с ним сразу же оказались лицом к лицу. Все было до того неожиданным, что я растерялся и довольно долго ничего не мог ответить.

- Ток караулил, дядя Пронька, - выдавил я наконец из себя. Поджилки мои дрожали, голос тоже. «Неспроста встретил он меня здесь».

Вперед дороги не было. Вдруг затрещало что-то позади меня. Я резко обернулся: там стоял Санька Нюрыч. «Они видели, как я спускался с горы и устроили засаду».

- Ну, что, широкоштанный? - Красняк дыхнул мне в лицо перегаром. - Вот и встретились наши стежки-дорожки? Думаешь, если с большими за один стол сел, то ты уже и впрямь большим стал? Вот отвинчу я твои уши и скажу всем, что так было.

Он выхватил у меня плащ, сшитый из технического брезента, развернул его и полез в карман, в большущий, накладной. К моему изумлению он вытащил оттуда горсть зерна.

- Вот, видишь, чем вы со своим дедом занимаетесь? Вот почему вы хлеб белый, оказывается, едите? Народ вон мается, на трудовень по фунту дают, а вы каждый утром по три фунта несете. За это кутузка полагается! Не маленький, знать должен!

Я вспомнил доверчивого воробышка Кольку Нюрыча, и страшная мысль полоснула по сердцу: только он мог ночью подсыпать зерно в этот карман. А за спиной стоит его брат, Санька.

- Кхым! Кхым! - дал тот о себе знать.

- Терпи малость, Ляксандр, - успокаивает его Красняк. - Суд начнем скоро.

- Да я ничего, Прокофий Степанович, - тараторит Санька, - Вы бы насчет яблоч посмотрели? Тоже, небось, есть?

Горсть ранеток была вынута из другого кармана. У меня отлегло от сердца: это фокусы - все подстроено.

- Ничего я у вас не брал! - крикнул я Красняку. - Пустите меня!

Он вывернул мне руку до боли и приказал своему помощнику:

- А ну-ка, Ляксандр, врежь-ка ему!

Санька заскочил под перед, широко замахнулся, раздвигая свисающие ветви, и...

Так я узнал на практике, как сыплются из глаз искры.

«А у нас Прокофий Арсёнкин помер. Ты, чай, его помнишь, Прокофия-то?»

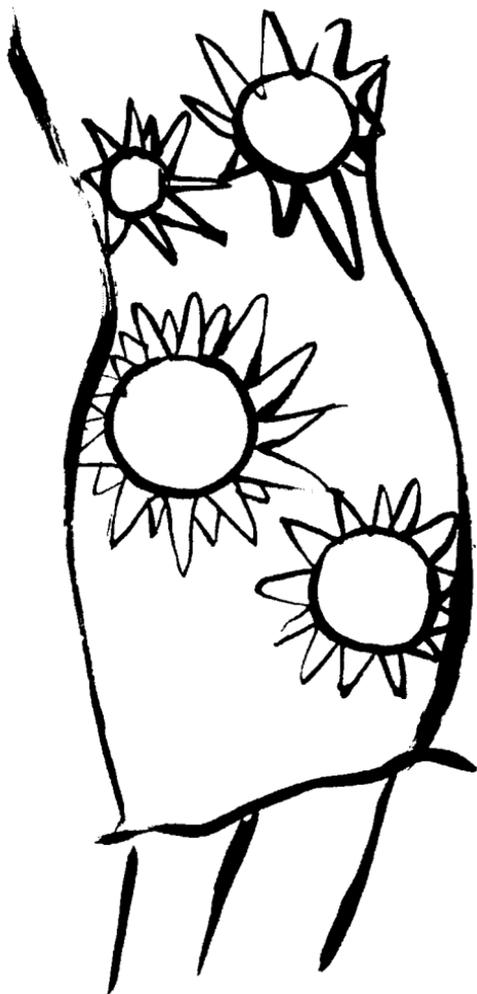
Оказывается, даже очень хорошо помню. А ведь столько лет прошло.

Шесть мужиков могилу рыли. А сколько их, интересно, за гробом шло? Всем селом хоронили или как? Что ни говори, а он оставил в истории Сухой Грачёвки заметный след. Сколько теперь там его учеников и последователей, любителей жить весело и шаловливо: сорок, пятьдесят, сто? Как эти люди изменили все окружающее - и быт, и дух? Есть ли такой определитель? Только судебная статистика? До статистики не очень-то доберешься, она в мрачных сейфах и шкафах, под негласным грифом: «Для служебного пользования». А народу не до обобщений, он живет сиюминутными фактами и впечатлениями.

«Судят нынче чуть ли не каждый день, - пишет Нюра. - Телевизор уже всем

надоел, народ на суд ходит, как в кино. Недавно Мишку Елманова судили. Он украл чужой мотоцикл и разбил. А до этого машину угонял колхозную, разобрал и назаровским продавал по частям. Федор Круглов вернулся из тюрьмы, худой, морщинистый, как яблок вареный. Через месяц сынишку своего изнасилничал. Пошел туда, откуда пришел. Иван Бухтояров пил с друзьями неделю, а потом у учителя дорогую шубу стянул. Учитель у них шубу нашел, так они его избили: две недели в районной больнице».

Таких примеров, думается, тьма-тьмущая: на халяву жить тоже не так просто.

«ВОТ НА СЕРДЦЕ ТИХОЙ ГРУСТЬЮ...»

Как цветы,
Что только с луга
Я стихи тебе принес.
В них
Душа и сердце друга.
В них и боль, и радость грез.
Красота в цветах завянет,
Не успев все показать.
А строка не перестанет
Чувства нежные рождать.
То они росой запахнут,
Что качалась на цветах,
Где под солнцем
Мир распахнут
Для улыбок на устах;
То нечаянно напомним
Водопад любовных струй.
И на миг
Вдохнут истому
В незабвенный поцелуй...

Хороший стих -
Он лечит душу,
Рождая чувственный бальзам.
Люблю Есенина я слушать,
Поговорить с ним по душам.
Хороший стих -
Зовет нас в дали
И помогает в трудный час.
В нем зори
В травах ночевали,
Упав росой вечерних глаз.
В нем радость.
Радуги начало,
Что у полей родной земли.
И месяц - лодкой от причала -
Средь звезд по озеру рулит.
Хороший стих -

Валентин МАНУХИН

- Валентин Николаевич -
- отставной майор Советской
- Армии, авиатехник, коман-
- дир стартовой группы
- РВСН - сегодня на ДААЗе
- известен не только как об-
- разцовый производствен-
- ник, но и как поэт.
- Он родился в Рязанской
- области, ветеран Вооружен-
- ных Сил и Ракетный войск.
- Служил в Привожском ВО,
- под Омском, Тюменью, на
- космодроме Плесецк, там,
- где спрятаны ракетные
- стартовые площадки...
- С 1986 года живет в Ди-
- митровграде, работает на
- ДААЗе.
- Стихи Манухина публи-
- ковались в армейской прес-
- се, газетах «Омская правда»,
- «Рязанский комсомолец»,
- «Приокская правда», «Со-
- ветский воин», «Автострои-
- тель». Он входил в Омское
- городское литобъединение.
- В Рязани готовится к выхо-
- ду книга Валентина Ману-
- хина «У осеннего причала».

Струится песней.
Им объясняются в любви.
Жить без него неинтересно -
Немыми стали б соловьи.

ОСЕНЬ

Хоть и вновь похолодало,
Свадьбам - осенью цвести.
Паутинок покрывало,
Как фата, в траве блестит.
Лес в раздумьи опечален:
Неподвластен листопад...
У осеннего причала
Клены в золоте стоят...
Жаль,
К весне назад не пустят -
В жизни нет волшебных стран.
Вот на сердце
Тихой грустью
Лег седой, густой туман.
Но в резерве -
Бабье лето,
Как патрон, когда в беде.
Еще песни все не спеты.
Принесу цветы тебе.
Осенью они дороже,
Когда меньше их - ценней.
Вот и сердце нам поможет
Вспомнить юность этих дней...

ЁЛКА

У Есенина березы
Под окном -
Все в серебре.
В нашем доме
Ныне слезы:
Ель срубили во дворе...
Загубили молодую
На веселье в Новый год.
Топором, тайком, живую
Возвели на эшафот.
А ее, с душой ребенка,
Привезли издалека...

Надо быть таким подонком, -
Чтоб не дрогнула рука!
Что с тобой, моя Россия?
Без границ разгульный нрав.
Променяла ум на силу,
Глупый бицепс ныне прав?
...Возле дома голубую
Ель и душу с ней, заразу, -
Топором, тайком, живую...
Поминаю Бога всеу,
Чтоб простил он грешных нас.

ПЕРЕД ВЫБОРОМ

«Заметался пожар голубой...»

С.Есенин

Отметался пожар голубой,
Едкий смог над тобою, Россия.
Вновь за власть
Идет подленький бой,
Полководцев ждет черная сила.
Призывают отдать голоса
За обман,
За посулы,
За водку.
Обещают «поднять паруса»,
С мели снять нашу общую лодку.
И опять -
Все по кругу пойдет:
Олигархи, иуды, пилаты
Пригвоздят ждущий правды народ
Ко своим интересам.
Богатых.
Хорошенько подумай, земляк,
В честный разум вдохни свою силу!
Проиграть нам нельзя.
Ну никак!
На куски поразрубят Россию...

ЗАБЛУДШИЕ

Завели нас в тупик.
В самый низ.
Говорили,
Что эта дорога
Приведет напрямиком в коммунизм.
И в пути отлучали от Бога.
Но теперь -
Демократов вожди,

Словно компас, нам ищут Идею.
А над Русью -
Разрухи дожди.
И в лазури
Дворцы иудеев.
Вновь берут
У кукушки прогноз
Рулевые лжецы-казнокрады.
Но в трясиине страна,
Как обоз, -
Воронье заграничное радо...
Прости, Боже,
Забывших тебя.
Вновь плюем мы в колодцы святые.
Берем влево, то вправо руля -
Без него мы в пути,
Как слепые.

РОМАШКОВЫЕ ДАЛИ

Где же вы,
Ромашковые дали,
В колокольчиках луга?
В тех цветах,
И в росах затерялись
Мои юные года...
А теперь
Лес в золотом отливе.
По утрам седым стал плес.
Осень тихо,
В грудь уткнувшись иве,
Плачет листьями берез.
И все чаще
Истово молюсь я,
Провожая журавлей.
Расстаюсь как будто
С прежней Русью,
Что живет еще в душе моей...
Отцвели
Ромашковые дали.
И осенняя пурга
Золотым упала покрывалом
На похулые, уснувшие луга.

Юрий ОБОЛОНКОВ

У нас в гостях

ВСЕ КОНЧАЕТСЯ...

ЛАСТОЧКА

Юрию Александровичу Оболонкову, 45 лет отроду. Он был произведен на свет в городе Рыбинске Ярославской области. По гороскопу «Рыба», а потому в 1971 году все же закончил Воронежский университет и стал дипломированным математиком.

Работал на Волжском и Камском автозаводах. От рядового инженера он прошел путь до заместителя главного инженера КамАЗа и заместителя директора научно-методического центра АвтоАЗтехобслуживание. До тех пор, пока Юрий Александрович не связался с журналистикой, беллетристикой и поэзией, - он имел около 10 опубликованных и апробированных научных статей и даже монографию. С 1993 года он - заместитель главного редактора тольяттинской газеты «Хроника», а с 1995 - главный редактор газет «Жизнь», «Жизнь и культура». Занимается организацией шоу-про рамм, фестивалей, издательской деятельностью, бизнесом.

«Черемшан» предоставляет слово не только жителю соседнего города-спутника, но и одному из ближайших сотрудников и редакции, и ортипографии, так как почти вся печатная продукция Оболонкова выходит в свет в Димитрове раде. И большую часть своего рабочего времени Юрий проводит у нас.

Наш автор - человек талантливый, с литературой дружит с 17 лет, печатался почти во всех СМИ Башкирии и Тольятти.

Александр Македонов, миловидный молодой человек девятнадцати лет от роду, студент, смотрел сквозь снежные холодные цветы окон автобуса, и в душе его цвел зимними белыми вишнями волшебный сад его любви, а в нем - Настечка Несенная, которую он называл ласково про себя «Ласточка Неземная».

В одной руке он держал незакомпостированный талон, а в другой ее записочку с просьбой вернуть конспект лекций. В кармане лежали тетрадка с лекциями и последняя пятерка от стипендии, которую он захватил с собой на всякий пожарный.

«А на последнюю пятерку...» - звучала в голове мелодия известной разухабистой песни.

Настечка и впрямь была такая неземная-неземная девочка, настоящая девочка его мечты; не то, что эти деревенские дурехи-матрехи или уже полностью испорченные (в их-то годы) вульгарные институтские прости-девахы.

Саша ехал и мечтал. Мечтал о чем-то своем, глубоко личном и сокровенном. А по голове упрямо била тяжелая упругая сумка. Он поднял глаза. Две молодые девицы, обе в крашенных шубах «а ля натурель», белой и черной, увлеченно болтали о женских пустяках. У одной из них на поднятой руке висела злосчастная авоська.

- Девушки, уберите пожалуйста сумочку, - культурно обратился к ним Саша.

Эффект такой же, как бросать мячиком в стену. А сумка методично: бум-бум-бум.

- Девушки, - уже громче. Сумка - бух! И тишина.

- Девушки, пробейте билет!!!

Одна из девиц, надменно, сверху вниз, глянула на Сашеньку, взяла двумя пальчиками билет и отошла к компостеру. Другая - за ней, увлеченно рассказывая на ходу очередную байку.

- Мог бы и сам пробить, а еще мужик, - процедила первая, возвращая пробитый билет.

- Оставьте билет себе за труды, на чай, - отпарировал Александр.

Девушка обиженно отвернулась, но билет оставила. И опять мелькают фонари, болтают девицы, катится автобус...

- Ваш билет? - контролерша в синей сатиновой фуфайке стоит возле девушки. Одна показывает Сашкин билет, другая огорченно разводит руками.

- Штраф пять рублей.

Девушка покорно роется в сумочке и отдает деньги.

- Ваш билет? - контролерша поворачивается к Сашке.

- «Ласточка Неземная!», - радостно улыбается ей парень, - А я тебе конспект везу!

Саша передает Настеньке конспект. Умолкшие девицы заинтересованно наблюдают.

- Спасибо, Саша, - отвечает Настя и молчит, не зная, что дальше делать.

- Нет у него билета, - мстительно говорит та, что в беленькой шубке, - пусть тоже штраф платит.

- Извини, Александр, я при исполнении. Так есть билет?

- Я думал, мы с тобой в кино ходим, - потеряно лепечет молодой человек, доставая из кармана пятирублевую купюру.

- Саш, давай в другой раз, я сегодня работаю. Устроилась вот по вечерам билеты проверять, - говорит «Ласточка», забирая деньги. - Квитанция нужна?

- Зачем, я тебе и так верю.

Саша выходит из автобуса. Дальше ехать нет смысла.

- Позвони мне завтра, - поперхнувшись, каркает ему вслед «Ласточка».

УЧЕБНИК

Январь в этом году выдался на редкость благостным и солнечным. Все радовало глаз: и пушистое белое нежное бархатное платье уснувшей земли, и синяя прозрачная гладь стеклянных луж, и даже кашки голубей и воробьев, появляющиеся иногда на плечах и лацканах всепогодного плащ-пальто студента второго курса Александра Македонова.

- Значит, есть и зимой пища для этих птах, не умрут с голоду, - думал он удовлетворенно, сосредоточенно замывая следы остатков пиршества пернатых. Одно только смущало безмятежной покой его юной души - наступившая сессия и экзамены. Немножко беспокоило его и отчуждение, возникшее между ним и, пока еще, его первой любовью Настечкой Несенной. Теперь он уже не называл ее, как прежде, Ласточкой Неземной, но все на курсе продолжали считать их если не мужем и женой, то женихом и невестой - это точно.

В университете его соратники по борьбе с наукой из 202-й группы сдавали теоретическую механику. Поинтересовавшись, как идут дела, и «поболел» немного за товарищей, Саша направился было домой, но на выходе его остановил Игорь Дементьев.

- Сашка, дружище, я рад тебя видеть. Слушай классный анекдот, - сразу приступил к своему обычному делу Сашин визави.

Александр стоял в полутьме лицом к женскому туалету и сквозь неплотно прикрытую дверь наблюдал за Сонечкой Зарубиной, его сокурсницей из параллельной группы, которая лихорадочно листала учебник. Видимо, ей предстояло сегодня сдавать экзамен.

- Ничего девочка, - думал Саша про себя, рассеяно улыбаясь рассказчику, - С такой бы поближе познакомиться... Да уж куда мне с моим рылом деревенским - да в калашный ряд. Она из себя вон какая! И не подойти.

Девушка, между тем, воровато оглянувшись, вырвала несколько листов из книги и, высоко приподняв край юбочки, засунула их под чулочек.

Парень оторопел. Он никогда не позволял себе так варварски относиться к книгам. Но сам эротический момент в туалете, невольным свидетелем которого он стал, заставил его сердце учащенно забиться. Сонечка, оправив и пригладив юбку, вышла из туалета и, встретившись взглядом с молодым человеком, поняла, что ее тайна раскрыта, и, сделав надменное лицо и подняв носик к потолку, продефилировала в направлении кафедр.

На следующий день, взяв в библиотеке учебник, Александр засел за подготовку к экзамену. К его глубокому огорчению, страницы, на которых раскрылась наиболее сложная тема, оказались вырваны.

- Уж не Сонечкина ли это работа? - подумал Саша и побрел к своей Настечке за конспектом.

Настасья, самая прилежная студентка на курсе, конспектирующая буквально каждое слово преподавателей, криво усмехнулась на его просьбу и объяснения, но конспект дала.

После экзамена Александр принес книжку в библиотеку. Работница абонемента, пожилая строгая дама в роговых очках, взяла книгу и открыла ее точно на вырванных страницах. Юноша оторопел.

- Не волнуйтесь, молодой человек, мы знаем, что это не ваша работа, - успокоила его библиотекарь.

- А чья же?

- Ваша сокурсница, Зарубина, постаралась.

- А откуда вам известно, что это она? Может быть, это я сделал.

- Рано или поздно все тайное становится явным, - назидательным тоном ответила старушенция. - Кроме варваров, да, варваров, - подчеркнула она, - на свете еще существуют честные и принципиальные люди, считающие своим долгом сообщить кому следует и куда следует о творящихся у нас в стране безобразиях.

- Эка, куда хватила, - подумал студент, - сейчас она еще и Сталина вспомнит, и Ежова с Берией.

- А вот и наша комсомольская совесть идет, - радостно всплеснула руками библиотекарьша. Саша обернулся. Прямо к ним, улыбаясь, шла Настечка Несенная.

- А я молодого человека уже успокоила, - защebetала по-птичьи старая вобьиха.

- Так это ты заложила Зарубину? - строго спросил, не здороваясь, Александр у подошедшей девушки.

- Что значит заложила? Просто честно рассказала обо всем. Я сама видела, как она листы из книги вырвала в туалете. И сказала об этом лишь для того,

чтобы отвести от тебя подозрения в случае обнаружения порчи.

- И что ей за это будет? - обратился парень к работнику библиотеки.

- Из вуза не выгонят, но лично я не только гнала бы таких поганой метлой, но и в лагеря ссылала. При Сталине точно лет пять вшей кормила бы эта Зарубина в каком-нибудь сибирском Лаге. Норектор у нас очень добрый. Всего лишь объявит выговор и стипендии лишит месяца на три, - с сожалением прошамкала бабуля.

- Ничего себе «всего лишь», в наше-то безвременье стипендии лишиться - это беда. К тому же еще доказать надо, что это она листы вырывала.

- Если не ей, то тебе отвечать за содеянное придется, - строго и торжественно произнесла пожилая дама и штамповано отрубила: - Закон неумолим, но закон есть закон.

- Успокойся, дорогой, - вступила в разговор Настя. - Я напишу докладную, в которой изложу суть дела, и тем самым сниму с тебя все подозрения.

- Не надо докладной, - немного помолчав и определив для себя нечто важное, решительно сказал Александр и, обратившись к библиотечкару, добавил, - Это я вырвал страничку, мне и отвечать. Готов написать объяснительную.

- Ну и дурак, - крикнула Настя и гордо вышла из зала.

Через неделю на доске объявлений возле ректората висел приказ об объявлении выговора студенту Македону А.И. и лишении стипендии до конца семестра «за злостную порчу государственного имущества». А Сонечка Зарубина продолжала в упор не видеть безвинного страдальца и проходить мимо него с высоко поднятой головой.

БУЛОЧКА

С оцинкованного таза февральского неба стекал холодный дождичек. Студент Александр Македонов на обледеневшей остановке ждал семнадцатый автобус и размышлял о человеческой неблагодарности.

Его тайная любовь, первая университетская красавица Соня Зарубина унизила Сашу в присутствии сотоварищей. Из лучших побуждений Александр предложил ей булочку, купленную в буфете на последние деньги. Она же бросила булочку в урну, сказав, что даже ее пес Кайзер, умирая от голода, не станет жрать эту тухлятину.

В животе с голодухи урчало в предвкушении ужина: черствой четвертушки черного хлеба с яблочным вареньем, привезенным по осени из деревни.

- Эх, совершить бы подвиг, - с тоской подумал Александр. - Например, защитить Зарубину от бандитов.

Он сжал правую руку и ощутил на предплечье бугорок сомнительной величины.

- Нет, пусть она лучше потонет, а я спасу, - Македонов взглянул на грязный снег и определил, что не сезон.

Подождав автобус - тринадцатый. Бабуля, быстро-быстро семеня ногами по мокрому скосу асфальта, двигалась в сторону передней двери. Перед самым носом дверь закрылась, автобус тронулся. Бабушка попыталась оттолкнуться от дверей, ее ноги заскользили по склону под задние колеса...

Македонов сделал решительный шаг, схватил старушку за воротник и потянул на себя так, что материя затрещала. Ботинки предательски заскользили. Парень рванул еще раз: воротник треснул и они, обнявшись, повалились в мокрую снеговую кашу. Задние колеса проехали буквально в трех сантиметрах от их ног и скрылись за поворотом.

Когда, почесывая больно ушибленный правый бок, Александр поднялся на ноги, он увидел перед собой мокрую разъяренную старушку, свирепо оглядывающую его счастливую физиономию. Физиономию человека, впервые в жизни совершившего нечто подобное подвигу. Во всяком случае, он рисковал если не жизнью, то собственными ногами.

- Чего ухмыляешься, хулиган, - заблеяла бабка, - воротник оторвал.

Она хлобыстнула Сашу мокрым хвостом воротника. Шапка Македонова отлетела на проезжую часть, где ее тут же переехал самосвал.

- Граждане, будьте свидетелями, мерзавец свалил меня в грязь и пытался изнасиловать, извращенец проклятый, - продолжала дребезжать старушенция. - Милиция, милиция где?!

Александр, подобрав сплюсненную шапку, бросился бежать через дорогу. Чудом увернувшись от «Запорожца», перескочил через детскую коляску и, не удержавшись, плашмя шлепнулся в лужу.

Мокрый, грязный, с блином-шапкой на голове, бедный Саша побитой собачкой брел по тротуару. Вдруг он почувствовал: кто-то сзади схватил его за рукав. «Менты!» - мысль равнодушно скользнула по извилине и упала в грязь. Он обернулся. Перед ним стояла Сонечка Зарубинная, разодетая «а ля - не знаю как». И без того грязный, он превратился перед ней в маленький кусочек грязи.

- Я все видела, Саша. Ты настоящий герой, - глаза ее были серьезны и печальны. - А герою полагается награда, - и она протянула ему булочку с повидлом.

ЧЕРВЯЧОК

Студент Александр Македонов сидел на скамеечке подгусто завитой яблонькой, думал о любви и говорил о теореме Фибоначчи с Сонечкой, однокурсницей из параллельной группы. У них давно уже сложились доверительные, дружеские отношения: они общались с одними и теми же ребятами, ходили вместе в походы и кафе, списывали по очереди друг у друга контрольные и домашние работы, оказывали различные знаки внимания, но дальше этих платонических проявлений взаимной симпатии дело не шло.

«Хорошо бы взять Сонечку и поцеловать, прямо сейчас, взасос в губы», - мечтал Саша, развивая тему чисел Фибоначчи и терзая в руках яблоневый листочек.

Соня, положила одну босую ногу на другую, не отрываясь, глядела в глаза молодого человека и качала кудрявой, как яблонька, головкой, соглашаясь с изложением материала. Обоим предстоял зачет по теории чисел, и они сочетали отдых на даче с усиленной подготовкой.

Рядом со скамейкой суетился и чирикал рыжий воробей: то отбежал в сторону, то снова возвращался почти к самым ногам.

Саше надоела эта пернатая возня и он, скосив голову, краем глаза увидел, что по ступне девушки ползет упитанный аппетитный зелененький червячок, который вызывал у птички такой неумеренный интерес. Молодому человеку даже показалось на секунду, что у воробья текут слюнки от аппетита.

- Ой, Соня, смотри, у тебя по ноге червяк ползет, - прервал изложение лекции юноша.

- Где червяк? - девушка быстро и испуганно подняла левую ногу, но другую, по которой полз червяк, поставила на землю. Она до ужаса боялась пауков, мокриц и прочей мелкой живности.

- И совсем не смешно, - облегченно вздохнув, сказала она, не увидев червячка на поднятой ноге, - может быть тебе показалось?

- Нет, же, Соня, нет! - с жаром начал доказывать от обратного Александр, - ты все перепутала. Эта нога у тебя стояла на земле, а ту, по которой ползет червяк, ты опустила и не видишь его сейчас.

- Да? - недоверчиво, снизу вверх взглянула девушка и неожиданно, быстро подняла вверх вторую ногу. На Шашину беду, в процессе этого движения, она задела щиколоткой за траву и гусеничка упала на землю.

- Ну и где твоя гусеница? - сидя на лавочке с высоко поднятыми ногами, Соня напоминала лягушку на уроке биологии. Вероятно, для Саши было бы лучше сейчас же немедленно вернуться к итальянским научным откровениям, но он не сдавался.

- Может быть, она заползла к тебе под халатик?

Соня взвизгнула и задрала платье так, что в глазах бедного Саши все поплыло: зеленая гусеница, белые ажурные трусики, маленький темный пупочек над ними и летающий над этим натюрмортом озадаченный воробей, который, исхрипевшись, нырнул с лету в траву под задранными ногами, проворно схватил толстого червяка и, тяжело, но победно, взмахивая крыльями, полетел прочь.

- Где, где эта чертова тварь? Сними ее с меня, - кричала девушка вне себя.

- Смотри, ее воробей на обед понес, - Александр схватил с грядки комок земли и запустил ею вдаль улетающей птице. И, конечно же, промахнулся.

- Ах, теперь уже воробей здесь появился! Ну, это уж слишком!

Истерика немедленно прекратилась, девушка вскочила на ноги, поправила платьице, и в ту же секунду гневно сверкнули молнии ее глаз.

- Ты что, издеваешься надо мной, - ее лобик пошел волнами, щечки зааели, как паруса, надвигается буря, - Про Фибоначчи мне здесь заливаешь, а сам вон о чем думаешь. Под платье залез, говоришь! У вас мужчин одно только на уме. Кто к кому и чем залез! Как только не стыдно! Я думала, мы с тобой друзья, а ты, оказывается, такой же, как все остальные, - она, отвернувшись, закрыв глаза, еле сдерживала слезы. То ли от обиды, что ее обманули, то ли от досады, что Саша увидел то, что видеть ему было не положено, а может быть от того, что сильно испугалась простого червя.

Саша топтался рядом, не зная, что сказать в свое оправдание, чем утешить плачущую девушку. И вдруг увидел того же воробья, но уже не одного, а с подружкой, державшей злополучную гусеницу в клювике.

- Так вот для кого, подлец, старался, - сказал Александр тихо и кивнул в сторону воробьиной пары. Соня, увидев воробьиную идиллию, тихонько засмеялась сквозь слезы.

Парень подошел к девушке, нежно повернул лицом к себе, обнял за плечи и сказал тихо:

- Что ты, дорогая, - девушка притихла. - Я так сильно всегда любил тебя и люблю, что никогда не посмел бы тебя обидеть, или, еще хуже, издеваться над тобой. Это все любовь виновата, - и они оба, обнявшись, залюбовались влюбленными воробьем и воробьиной.

АВГУСТ

Август лету финиш чертит
млечной лентой в небе ночью.
Август - лета виночерпий
ночью плачет, днем хохочет.

Август щедро плод подносит.
Август - это время года,
когда к лету жметя осень,
как котенок в непогоду.

Август морю у вокзала
тополями шлет поклоны.
Август - это взмах прощальный
лета с южного перрона.

Он плывет осенней тенью
над лесами, городами.
Август - чувств сердцебиенье
перед словом - «до свиданья».

Эта осень травкой пряной
распласталась по поляне.
Эта осень девкой пьяной
развалилась на диване.

Эта осень желтым глазом
хризантемы, не моргая,
смотрит пристально из вазы,
улыбаясь, увядая.

Эта осень - пониманье
простоты очарованья,
с близким другом расставанье:
взмах руки и до свиданья.

Черный куст, а под ним
жгут огнем золотым
листья.
Лес прозрачен и строг.
Лист ольхи, как мазок
кисти.

Безумную, потерянную кем-то
Японскую бамбуковую осень
Нашел в траве линяющего парка,
У озера совсем случайно.

*Вот та прозрачная ясность
мыслей и тонких желаний,
где куст жасмина октябрьский,
как шевелюра поэта.*

*Что может быть необъятней
пьяной разгульной стихии,
где твои руки, как стебли
в желтых осенних перчатках.*

*Мир, где бродил я под солнцем
по дубняку, тропам, пляжам,
осень с собой завернула
в лоскут парчовый и тонкий.*

*Вдоль зданий еврейски печальных,
по лысинам улиц булыжных
свет месяца желто-миндальный
плывет на акациях рыжих.*

*Вибрируют струи фонтанов
витых тополей и смеются.
Обещана птицам нирвана,
как только на юг подадутся.*

*И листьям - трепещущим девам -
обещаны сон и забвенье
в объятьях травы пожелтелой
и в землю перевоплощенье.*

ОСЕНЬ

*Кончается все. Не спеша, незаметно
Дожди размывают дорогу мою.
Окончилось лето, качается ветка,
Летающие листья, как звезды ловлю.*

*Похожа земля на халат звездочета,
Обшиты полы травяной бахромой.
Трубит и зовет в лес кого-то охота,
Кому-то охота скорее домой.*

*Крест-накрест на даче проемы забили,
Забит и забот обязательных круг,
И крыши домов сушат мокрые крылья,
Мечтая, как птицы, умчаться на юг.*

Еще одно лето растаяло стаей,
Еще одну осень встречает земля.
А чукчу, наверно, уже приглашает
На свой белый танец невеста-зима.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Плывут по каналу опавшие листья,
Как дни бледно желты и волокнисты.
Плывут, безразличны к текущим событиям,
Заброшены ветром и богом забыты.
Плывут облака в страны вечного лета,
Их гонит, торопит нордический ветер.
И с Осени рвет он нарядное платье,
Сжимая в холодных и цепких объятьях.
И к берегу жмутся озябшие утки,
Готовясь к полету. Уже через сутки
Не будет ни листьев, ни уток в канале...
И все повторится в конце, как в начале.

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримо Христу.
(С.Есенин)

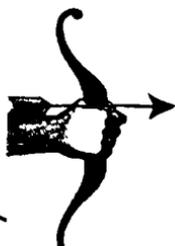
Слишком грустно вянут листья,
В путь пускаясь налегке.
Щеголяет в шубе лисьей
Осень в малом городке.

Забивает осень гвозди
В куст рябины, как в Христа.
Увядающие розы
Учат нас читать с листа.

Учат мудро, терпеливо,
Как расти и расцветать,
Отцветать неторопливо
И спокойно умирать.

Налейте вина темно-синих озер,
туманами трубку набейте.
Пусть осень зажжет погребальный костер.
Пусть ветер играет на флейте.

Я слушаю шелест осеннего дня
и птиц за моря провожаю,
и снова растут, как опята на пнях,
стихи моего урожая.

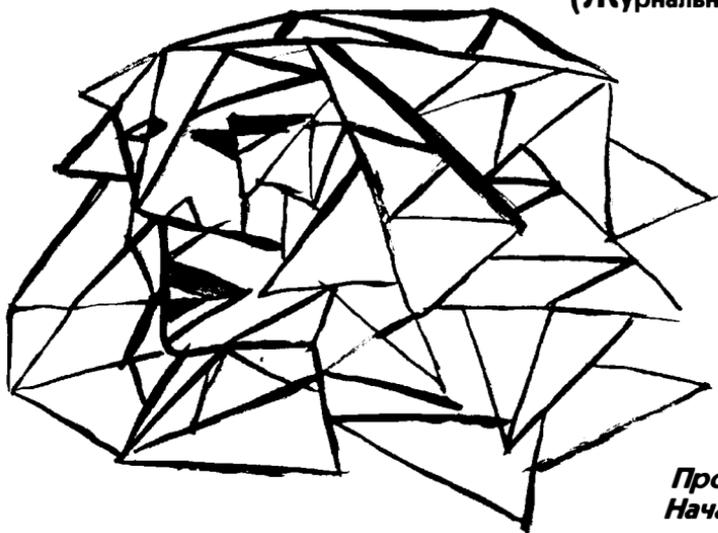

Валерий ГОРДЕЕВ

ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Повесть

(Журнальный вариант)

*Продолжение.
Начало в № 7-8*

ТРИПОЛИ

«Можем ли мы позволить себе бездействие на Атлантическом театре в течение всего 1942 года! Не следует ли нам в рамках общей подготовки «Болеро» осуществить какую-либо другую операцию, с помощью которой можно было бы захватить выгодные позиции, а также прямо или косвенно ослабить давление, оказываемое на русских!»

У.Черчилль. Из речи на совещании генералитета.

Именно в Триполи Шукра обрел свой статус предводителя племен кочевников - основного формирования, имеющего большое влияние на общественно-религиозную жизнь арабов. Во всецельности власти старого вождя «хамсинов» не только среди кочевников он убедился, когда в столице ему открывались двери домов самых знатных, самых заносчивых, самых независимых хозяев. По амулету на шее Шукры все сразу признавали его если не за предводителя здешних мест, то за наместника - точно. Бла-

годаря связям с арабской знатью, знанию языков, зрелому уму, - Шукра без труда был принят армейской верхушкой итальянцев, водил дружбу с немецкими специалистами, офицерами штаба генерала Роммеля.

Но главной своей работой он считал формирование боееспособной группы кочевников, оснащение их автоматическим оружием, средствами связи, транспортом. Такая группа арабских «коммандос» скрытно обучалась в полевой ставке вождя «хамсинов»...

Словно накалившийся наждак тысячи песчинок в оранжевом мареве впивались в лица людей. Колонна автомобилей постоянно вставала в песчаной колее, то дожидаясь тягача, помогавшего переваливать через очередной бархан автомобилям, то пережидая, когда будет залита вода из запасного бурдюка в закипевший радиатор какой-то из машин.

Колонну составляли грузовики из части технического обеспечения бронетанковой группы, а также легковые штабные машины, закамуфлированные пятнами краски горчичного цвета под окружающий ландшафт. Среди штабных шли и два опея из подразделения пропаганды. В них находились прибывшие с инспекцией из Берлина двое военных: полковник абвера Рейхард Гелен и личный представитель начальника имперской контрразведки генерала Франца фон Бентивеньи - штурмбанфюрер Отто Шульце. Оба они числились здесь сотрудниками РК - посланниками министерства пропаганды. Зато настоящий пропагандист-референт Хайнц Вессель был также и личным представителем служб СС рейхсфюрера Гимmlера, человеком, питавшим конфиденциальной информацией и шефа гестапо Мюллера. Человек беспринципный, жестокий и подозрительный, он готов был шагать по трупам своих коллег, делая карьеру. Особенно его сторонились армейские офицеры, побаиваясь доносчика и одновременно презиравшие его. Они знали, что Вессель любит цитировать малоизвестное высказывание самого рейхсфюрера Гитлера: «Совесть, как обрезание у евреев крайней плоти, калечит человека. Потому наши СС лишены совести». Слова эти «пропагандист»-эсэсовец считал своим жизненным принципом.

Потому, презирая всех этих «прикомандированных», Вессель ехал в другой автомашине, предпочитая в попутчиках местного араба-переводчика и проводника «берлинским выскочкам», никогда не работавшим практически в том «поле», которое определяется для оперативной деятельности настоящему разведчику...

А вот проводником и переводчиком у Весселя был человек, которому доверять бы и не стоило профессионалу от Мюллера... Да уже около месяца, воспользовавшись рекомендациями своих трипольских друзей, Шукра за безобразно малую плату исполнял при гестаповце обязанности «боя» - мальчика на побегушках. Он делал все, чему в полевых условиях есть соответствующие службы у высокопоставленных офицеров: стирал белье, как денщик; готовил документы на арабском и контролировал досье в картотеке, как адъютант; консультировал Весселя по военно-политическим вопросам, как штабист или референт... референта.

Однако это давало «Клинку» и массу преимуществ. Он был принят за благонадежного образованного дикаря. Он имел теперь доступ и к тайной деятельности Весселя. Он мог свободно вращаться в армейских штабах, среди гитлеровских офицеров. Мог иногда мысленно срисовать обстановку на оперативно-тактических картах немцев.

«Агент-двойник - это мужчина или женщина, используемые какой-нибудь страной для шпионажа против другой и которые фактически являются агентами противника, работающими против завербовавшей их страны. Отсюда логически вытекает, что агент-двойник - самый сложный вид агента, с которым приходится иметь дело контрразведчику. Является ли агент-двойник самым опасным или самым полезным видом агента? Это зависит от взглядов и интересов агента; связан ли он со своей страной или страной противника...

... Если же контрразведчик сомневается в агенте, то его следует рассматривать как опасного человека, а если вина агента-двойника может быть доказана, то его надо немедленно предать суду. Если же вина агента полностью не доказана, его следует держать за решеткой до конца войны, чтобы он не мог вредить тем, кто его поймал. Поражение в войне, как известно, часто зависит от малейшей ошибки. И оказать доверие агенту-двойнику, в искренности которого ты сомневаешься, - значит совершить крупнейшую ошибку, которая может иметь дурные последствия.

Разобраться в деле агента-двойника гораздо труднее, чем в деле обыкновенного шпиона. Изучение всех сторон дела агента-двойника занимает дни и даже недели. Ведь каждый факт надо проверять и перепроверять, а это требует времени.

О.Пинто. «Друг или враг!» (Откровения армейского контрразведчика).

Конечно, Вессель никак не мог доверяться полностью этому образованному, но - туземцу. Однако в недрах высшего эсэсовского руководства развивалась и крепла идея создания в предполье фронтов новых формирований: мусульманской дивизии «Хандшар», туркестанского и кавказского полков, индийского легиона, которые сам Гиммлер именовал дикими в прямом смысле и «элитными войсками» - с сарказмом.

Таких арабов, как Шукра, Вессель рассматривал как готовую и к военному сотрудничеству с войсками Роммеля местную знать. Особенно успешно такое влияние немцев происходило на тер-

ритории Египта и Трансиордании. А вот в Ливии этим предстояло заняться мнимому «пропагандисту».

Своей беспринципности и использованию любой возможности на благо его карьеры Вессель учился у своего товарища по партии и университету – ныне одного из партийных лидеров рейха – Адольфа Эйхмана. Тогда, в 1937-м, они под видом студентов по заданию шефа СДГейдриха посетили Палестину. Задание им, тогда рядовым оперативникам отдела 11-112 СД, а проще – службы «еврейской референтуры», было строго определено: установить контакты с сионистской разведывательной организацией «Хагана», максимально использовать их возможности для открытия новых каналов еврейской эмиграции из Германии на Ближний Восток. А в потоке переселенцев отправить как можно большее число подготовленных в «референтуре» агентов, диверсантов в Сирию, Египет, Палестину, на север Африки.

Командировка их была признана успешной, Адольф сумел внушить шефу отдела оберштарфюреру СС Хагену, что это он лично обеспечил блестящий результат палестинской прогулки, был замечен, отмечен, выдвинут... А Вессель, определенный ему в подчинение, был загнан другом-однокашником вновь на Ближний Восток, уже как «лучший специалист по семитам». Хотя, бывая в Берлине, Вессель всегда получал у Эйхмана самый радушный прием, иногда они даже устраивали традиционные «студенческие» попойки. Наставляя Весселя, однокашник не боялся и пробалтывать тайное-тайных рейха. Зажиревший гитлеровский любимец асс Герман Геринг говаривал: «Мне все равно, куда стрелять, лишь бы выстрелить...» У Геббельса в банках Буэнос-Айреса уже лежало около двух миллионов фунтов стерлингов... Зигмунд фон Лист, бывший полковой командир ефрейтора Шикльгубера, ставшего впоследствии Гитлером, стал фельдмаршалом, а по совместительству одним из богатейших коллекционеров мира, ставив в свое прусское поместье сокровища из Лувра... Даже аскетичный шеф СС Генрих Гиммлер, воспользовавшись сионистскими связями Эйхмана, подобравшего ему в Америке пройдоху-банкира Горстхета, с помощью этого еврейского маклера уложил в «Бэнк оф Америкэн» несколько миллионов долларов. А по пути прихватил дворянское поместье в Баварских Альпах для своей дочурки Пипы...

Сам Вессель вслух об этом боялся говорить даже наедине с собой. Но выводы делал. И вот сейчас он, лучше, чем кто бы то ни было даже в штабе Роммеля, знал, какие богатства сулит рейху (и ему лично) эта операция в Африке. Знал и с вожделием поглядывал на туземца, которого приручал. Такие влиятельные

здесь у арабов шейхи могли открыть путь к аладдиновым пещерам, путь к власти денег...

Сейчас колонна из Триполи двигалась к югу, в ставку Африканского корпуса бывшего генерала Роммеля. Это была одна из немногих, прорвавшихся из итальянской Безерты в порт Триполи, колонн, доставляемых кораблями действующим войскам на север Африки. Большинство грузов, техники, войск успешно отправлялось англо-американской авиацией на дно Средиземного моря.

Шукра осознавал, что присутствие в маршевых ротах, в колонне его «патрона» Весселя и командированных офицеров разведки и контрразведки могло означать только одно: абвер и СД, обеспокоенные успехами разведорганов Британии (УСО) и США (ОСС), пытались перехватить инициативу у противников непосредственно на поле боя, в войсках Роммеля...

- Герр Вессель, - голос Шукры оторвал «пропагандиста» от навязчивых дум о карьере, - скоро будет становище Аль-Нигар, там есть колодцы, можно передохнуть водителям, заправиться водой. Следующий переход будет проще.

До Тобрука, где базировался штаб генерала Роммеля, оставалось не меньше двухсот километров прибрежных дорог спекшейся глины плато. Октябрьские дни в Ливии не предвещали дождливой погоды, потому что транспорт по выщербленным колесами машин дорогам шел по плато споро.

В становище Аль-Нигар стояло до десятка бедуинских палаток. Хозяева их из племени рахима проводили у колодцев большую часть времени. Пока солдаты вермахта ставили для офицеров брезентовые навесы, носили воду, разжигали таблетками сухого метилового спирта очажок, чтобы приготовить кофе и разогреть консервированный обед, Шукра ушел к бедуинам.

В ближайшем же шатре он застал старейшину рода рахима - подслеповатого старика, чье лицо было испещрено многими шрамами, иссечено песками. После взаимных приветствий старик потребовал от Шукры предъявить ему для опознания подвеску из «небесного камня». Долго елозил по амулету власти своими темными сухими ладошками, бережно уложил его за отворот рубахи, надетой на Шукре:

- Почтеннейший, повинуюсь воле старейшин-аребе, готов служить вам. Можете распоряжаться подчиненными мне рахиме, мы исполним вашу волю! - старик поклонился с достоинством молодому предводителю, замер, готовый выслушать Шукру.

- Скажите, вождь, не было ли в последнее время у вас в становище других гостей, хамсинов? - Шукра сдвинулся внутрь шатра, присел на кошму, прикрывавшую землю.

- Был и есть, достойный, - заторопился угодить гостью старик. - Он уже два дня ожидает ваш караван.

- Зовите его! - Шукра в волнении привстал с кошмы, невольно делая рукой отсылающий жест в направлении выхода их шатра.

- Уже послал за ним, - хитро прищурив подслеповатые глазки, отвечал ему вождь. - Мои люди давно уже заметили ваш караван. А когда вы говорили у очага с неверными, ваш человек определил, что вы именно тот, кого он дожидался, гостив у рахиме...

Вскоре хамсин-аскер сидел на корточках перед Шукрой, тихо докладывая ему о своей поездке в Дамаск, выпрастывая из складок на галабие послание.

«ХАМСИНУ ОТ СТРАННИКА.

В район вашего действия направлены командос. Задача - уничтожение «Лиса пустыни» в его логове. Начало операции - 5 ноября. Ваша задача - с началом действий командос поддержать их нападением ваших воинов на комплекс штабных зданий в Тобруке. Желательно: уничтожение корпусного центра связи, пленение известных вам прикомандированных из Берлина. Отход на Мерса-Матрух не позднее полуночи 6 ноября, когда начнется основная операция. Пароль для связи с нашими контрразведывательными отделами: «Мы из Каира. Наш дом в Замахеке».

Крепи вас Бог! Удачи».

«КЛИНОК - ЦЕНТРУ.

На запрос о состоянии и боеспособности Африканского корпуса сообщая информацию заслуживающего доверия источника из Триполи. Она соответствует моим наблюдениям и данным их полевого штаба корпуса. К осени этого года под командованием Роммеля находится около 90 тысяч итало-немецких солдат. Главная ударная сила корпуса - танки, однако их 540 машин более половины старого образца, бывшие в ремонте по два и более раза. 1219 полевых орудий и ПТО. 350 боевых самолетов и 76 «транспортников».

Все это почти в три раза меньше боевого потенциала союзников на севере Африки и на Ближнем Востоке. Несмотря на это, боевой дух в частях вермахта очень высок. Немецкий корпус выгодно отличает высокий профессионализм каждого солдата, их большой боевой опыт, стаж «работы» в условиях пустыни в любое время года. В штабе Роммеля абсолютно уверены, что в случае реальной помощи техникой, авиацией и живой силой из Германии, корпус, возобновив наступательные действия, способен внести коренной перелом в ход всей военной кампании. Союзники могут не выдержать, и за немцами останутся не только Северная Африка, Египет, но и большая часть Средиземноморья.

Следуя же логике действий представителей центральных аппаратов СД, абвера и ОКВ, досаждающих Роммелю, ему следует обходиться только имеющимися в его распоряжении силами и вооружением. Ставкой Гитлера перед войсками вермахта поставлена задача нового блицкрига на юге России. Итальянские высшие чины штабов в Триполи подтвердили, что на состоявшейся встрече Гитлера с Муссолини первый уверял дуче, что готовится небывалый прорыв из России к Иранской равнине. А с захватом Кавказа клещи вермахта «сомкнутся над всей Британской империей».

Полученная информация продублирована на «Остров». От «Странника» получены новый приказ на ведение активных боевых действий в тылах Африканского корпуса во взаимодействии с десантированными сюда командос и инструкторами на ближайшие месяцы. Следую приказу с «Острова», так как в данных обстоятельствах: нахождение моего отряда на территории активных боестолкновений; оторванность от каирских явок и связи в Сирии; внедрением в штабные структуры корпуса и доступом к особо ценной, первичной информации, - все это заставляет некоторое время работать в режиме автономного поиска.

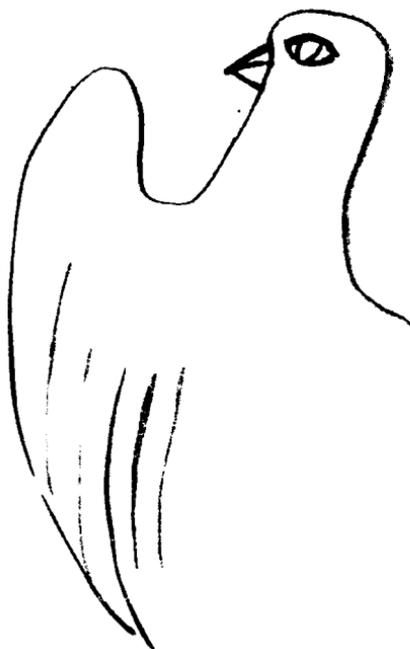
В связи с возрастающей опасностью провала или гибели перехожу на вариант связи «Б-4» в кодированном поле.

Надеюсь на личную встречу после победы. Будьте живы. Крепко жму ваши руки. КЛИНОК».

На импровизированном очаге, разведенном солдатами из спиртовых таблеток, в котелке булькало подобие традиционного немецкого «зуппе»: клейкая масса из сухого картофеля и горохового концентрата с добавлением тушеной свинины. За раскладным дюралевым столиком расположились «прикомандированные» и начальник конвоя - майор Бергендорф. Майор рассказывал о своей службе в корпусе на давню получившего звание фельдмаршала Роммеля. Рассказывал увлеченно и несколько развязно, как и полагается боевому офицеру в полевых условиях да еще, очевидно, принявшему в пути шнапса.

-...Они думали, что генерал-лейтенант Бернард Монтгомери провидец, что нам не удалось взять Эль-Аламейн потому, что он сумел создать там концентрированную оборону. А фельдмаршал одним броском танкового полка пережал им глотку у Джало, где они минировали приличный кусок пустыни. Наш штаб постоянно вел радиогру с англичанами. И в результате эти придурки решили, что мы ведем разминирование участка и закапывали танки в песок, создавая мощные огневые точки...

Бергендорф черпнул ложкой «зуппе», поднес к губам, причмокнул, обжигаясь, зашипел сквозь зубы. Вессель кивком головы указал Шукре на место возле столика. Заметив, как поморщился Отто Шульце, пропагандист из канцелярии Геббельса усмехнулся. Его «коллегам» было невдомек, что этот смуглый, в арабской одежде человек - их проводник и переводчик - был представителем местной племенной элиты. И, как конфиденциально рассказали Весселю ливийские аристократы из трипольского руководства, - Шукра был определен ими в вожди нарождающейся мусульманской армии воинов Аллаха, ведущих свой джихад на

пустынных просторах арабского побережья Африки был наделен практически неограниченными полномочиями. И с этим нельзя было не считаться. Себе же в заслугу Вессель ставил удачную вербовку молодого вождя, переход его на сторону именно немцев. И это было выгодно как вермахту, увязшему в африканских песках танками Роммеля, так и представителям разведки и министерства пропаганды.

О вербовке Шукры и приятии им идей рейха Вессель уже сообщил в Берлин. Потому, приближая к себе этого араба, доверяя ему и выказывая равное отношение к Шукре, - разведчик и пропагандист пытался убить сразу двух зайцев.

Майор Бергендорф, прочавкав, свинтил колпачок с обшитой лосиной шкурой фляги, длительно глотнул, прикрыв глаза, прислушался, как струйка шнапса, обжигая, протянулась по пищеводу к желудку, встряхнулся и продолжил свой рассказ, вперив полупьяный взгляд в полковника Рейхарда Гелена:

- Британцы вместе с отрядом янки клюнули на наше вранье в эфире. И, когда мы ночью скрытно вывели танки из-под Джало, рванулись в атаку на бывшие свои, ими же минированные укрепления. Их мотопехота скатилась с гребня прямо в долину и вся, слышите, господа, вся - вляпалась в мины! Грохот, вой, пожараща - все это было ужасно... Мало того, поскольку они не успели сообщить своим об этом, в штабе у Монтоммери решили, что завязался встречный бой. А так как у британцев почти не было тяжелой бронетехники в передовых частях, их артиллерия получила приказ обработать рубеж, дабы раздолбать снарядами наш полк, якобы рвущийся на оперативный простор. Так они и добились из пушек собственные батальоны, гибнущие на минных полях. А наш корпус спокойно прошел стороной и вонзился во фланг Монтоммери. Нет, господа, фельдмаршал - истинно великий стратег, воин и настоящий хитрец. Нам всем здесь жаль станет, если фюрер захочет использовать его талант на Восточном фронте, где дела идут из рук вон плохо...

Майор осекся, взглянув на Шукру, сообразив, что сказал лишнее при этом арабском парне. Гелен, сидевший рядом с ним, успокаивающе коснулся ладонью плеча Бергендорфа:

- Все в порядке, майор. У нас нет секретов от шейха. Он наш единомышленник, да и в звании, думаю, если бы они присваивались здесь местной знатью, Аль Хесси уже был бы генералом...

«Однако, - подумал Вессель, - Рейхард не так прост. Он уже в курсе закулисных игр в Триполи, а может быть, и не только ливийских... Явно пытается стянуть одеяло, сотканное нами - СС - на абверовское тело адмирала Канариса! Нужно будет более под-

робно поработать с этим «шейхом», подкинуть ему информации правдивой, но с запашком приключенческим, цветастым. Арабы это любят...»

Покидая Аль-Нигар уже вдвоем с Весселем в одной машине (Гелен, Шульце и Бергендорф решили ехать вместе, прикладываясь к фляге майора и забавляясь хитрыми боевыми операциями Роммеля, в которых Бергендорф участвовал не раз и умело рассказывал о победах над «глупым» противником), Шукра видел через боковое стекло опеля, как из шатра, где он встречался с вождем местного племени, выскользнул его аскер и заспешил, заскользил с песчаного гребня в обратную колонне немцев сторону. Там ждали его муджахеды, которым предстояло доставить письма Шукры по назначению...

СТЕПАНОВ

«Добейтесь доверия вождя и удерживайте его доверие. Укрепляйте, если можете, престиж вождя перед другими за свой счет. Никогда не отказывайтесь и не разбивайте тех планов, которые он может предложить. Всегда одобряйте их, а похвалив, измените мало-помалу, заставляя самого вождя вносить предложения до тех пор, пока они не будут совпадать с вашим собственным мнением...

Хотя бедуина трудно заставить что-либо делать, им легко руководить, если только у вас хватит терпения. Чем будет менее заметно ваше вмешательство, тем больше будет ваше влияние. Бедуины будут с охотой следовать вашему совету, но они не предполагают, что вы или кто-нибудь другой об этом знает...

Маскировка не рекомендуется... В то же время, если вы, находясь среди арабов, сумеете носить их одеяние, вы приобретете такое доверие и дружбу, какие в военной форме вам никогда не удастся приобрести. Однако это и трудно, и опасно. Поскольку вы одеваетесь как арабы, они не будут делать для вас никаких исключений. Говорите о ваших убеждения что угодно, но избегайте критиковать их взгляды. Весь секрет обхождения с арабами заключается в непрерывном их изучении. Изучайте характеры арабов, их вкусы и слабости и держите все, что вы обнаружите, при себе. Ваш успех будет пропорционален количеству затраченной вами на это умственной энергии.

Из лекции Томаса Эдварда Лоуренса, полковника Британской разведки, руководителя Арабского бюро Интеллидженс сервис, перед спецкурсом в г.Блэкли.

«Явный поворот в войне означился осенью и зимой 1942/1943 года, но однако, не только на Востоке, но еще определеннее в Северной Африке. Там 7 ноября высадились союзники, и их успехи в последующие месяцы принудили державы оси к обороне.

Капитан первого ранга, доктор Г.Фостмайер. «Сталинград. Анализ и документы битвы». 1974г.»

ИЗ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СПРАВКИ НА ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ ВЕРМАХТА. АРХИВ ГРУ.

«Эрвин Роммель. Выходец из семьи служащих... Участник первой мировой войны... Показал себя инициативным, храбрым офицером. Карьерист в лучшем смысле этого слова. Кавалер высшего ордена кайзеровской Германии. Крест за мужество и героизм до конца своих дней носил на шее, не снимая. Особые заслуги Роммеля заключаются в его успешной операции против отступавших итальянских войск... После войны - командир особого егерского батальона. Некоторые время преподавал тактику в пехотном училище. В вермахте особо отличают его труд «Пехота атакует». С 1933 года член НСДАП. Начальник охраны отрядов гитлеровцев в Нюрнберге, где проводилась нацистские съезды. Затем представитель вермахта в «Гитлерюгенде». Преподаватель военных дисциплин. С 1936 года - начальник личной охраны Адольфа Гитлера, который до-

верял Роммелю всецело, ибо тот не был выходцем из военной, семейной аристократии, не занимал в армии «потомственного места в полку», не был отягощен привычками и традициями юнкерской клики. Прусские и баварские бароны презирали Роммеля, считая его выскочкой, неучем и любимчиком фюрера.

Роммель лично сопровождал Гитлера во всех поездках по стране и на фронтах (Чехословакия). В 1939 году был назначен комендантом личного железнодорожного штабного состава Гитлера, получил звание генерала (Польша)...

Танковая дивизия Роммеля отличилась при оккупации Франции... В 1941 году он - командующий «Африканским корпусом». За год получает звание: генерал-лейтенант, фельдмаршал, - с переподинением ему итальянских частей маршала Грациане, в т.ч. отборную танковую дивизию «Ariete» («Таран»). В начале 1942 года в результате наступлений войск Роммеля совместная немецко-итальянская группировка передвинулась в Северной Африке на 600 километров, овладев морскими портами в Средиземноморье (Бенгази, Киренаики) и имела реальные шансы, отбросив противника, прорваться к нефтяным районам Месопотамии, затем - на Кавказ. Лишь благодаря высококвалифицированной работе разведок Англии и США (см. архивное дело «Операция «Ультра» 1924-1944 гг. Ф-2МВ, дело 16/32, раздел «Спецхранение») по дешифровке переговоров и переписке противника и проведению дезинформационных операций, командованию английских войск удалось предотвратить прорыв корпуса Роммеля на фронте 8-й армии, что стало еще одним тяжелым поражением немцев во второй мировой войне...

28 ноября 1942 года Роммель лично докладывал Гитлеру о своем поражении (60 тыс. убитых и раненых, потеряно 300 танков и 400 орудий). Фельдмаршал до марта 1943 года так и не сумел восстановить положение на африканском театре военных действий и реабилитироваться как военачальник. 16 марта смещен Гитлером со своего поста. В мае - остатки его корпуса попали в плен.

Анализ ситуации, проведенный спецгруппой 2 Управления ГРУ, дает повод к «реабилитации» фельдмаршала Роммеля:

<...> с лета 1942 года практически 100% грузов, направлявшихся на усиление корпуса Роммеля, оказались потопленными флотами и авиацией союзников в Средиземном море;

- в тылу войск фельдмаршала были сосредоточены значительные силы объединенных диверсионных групп союзников («коммандос», десантная бригада Эйзенхауэра (110 тыс. человек), объединенные удары сосредоточенных в Африке французских войсковых группировок адмирала Дарлана (вишистское правительство) и генерала де Голля (движение сопротивления «Свободная Франция»);

<...> приоритеты главного штаба вермахта и ставки Гитлера были устремлены на театр военных действий в России, в связи с чем, несмотря на неоднократные обещания лично Гитлера в бесперебойном снабжении «африканцев» Роммеля горючими, боеприпасами, живой силой и новейшими образцами бронетанковой техники («Тигры», «Пантеры»), к началу наступления союзников - 23 октября - запасов топлива на складах ГСМ корпуса было всего на три дня, передвижные ремонтные подразделения не могли полноценно восстанавливать технику как подбитую в боях, так и быстро вышедшую из строя вследствие эксплуатации ее в условиях пустыни, где почти не производилось замены солдатского и офицерского состава передовых частей, практически не выходящих из боев;

<...> контрмероприятия, проводимые спецгруппой «Ультра», поставлявшей объединенному командованию союзников расшифровку всех немецких донесений, приказов, переговоров, а также радиоигра с противником, примененные эффективные методы дезинформации штаба Роммеля, позволяли Черчиллю узнавать о планах немцев раньше, чем самому Гитлеру, опережать вермахт и Роммеля в принятии решений... Обращаем внимание на особо эффективные методы ведения разведорганами союзников психологической, пропагандистской обработки как противника, так и населения оккупированных стран (радио «Би-би-си», «Свободная Франция», «Честь и родина», агентурная работа спецгрупп ОСС и «Интеледженс сервис», а также ПГУ НКВД, ГРУ);

- как дестабилизирующий фактор на этом фоне может быть отмечена и работа на оккупированных территориях отрядов муджахедов из местной оппозиции немцам, решающей свои задачи по клановой и национально-территориальной независимости от чего-либо влияния (освободительная борьба в Египте, Трансиордании, Палестине, Ираке, Ливии, Алжире, Марокко, Сирии, Тунисе, Мавритании - странах Магриба, Месопотамии, Полизарии и Киренаики).

<...> с начала 1944 года Э.Роммель назначен на пост командующего группой армий «Б» во Франции, т.е. практически на острие немецкого противостояния открытию союзниками второго фронта. Чем объяснить его возвращение из почти годичного небытия (в резеве ставки) вновь на самый ответственный участок фронта! Полученные документы свидетельствуют о том, что «ореол Роммеля» как талантливого военачальника перед Гитлером пытались в это время развенчать почти все представители военной элиты Германии.

Фридрих Паулюс, генерал-лейтенант, заместитель начальника Генерального штаба вермахта:

«Две недели инспектирования «Африканского корпуса» - это ужас. Роммель ходит, окруженный толпой журналистов и фоторепортеров, постоянно нарушая указания верховного командования, бравлируя этим...»

Генерал-лейтенант Роммель, по моему убеждению, не обладает широким военным кругозором, при этом разрабатывает и самостоятельно осуществляет наступательные операции, больше напоминающие аферы... Роммель - не дорос до задач, которые стоят перед ним. Он - швабский тугодум...»

Крювелл, генерал-лейтенант, после Роммеля командовавший «Африканским корпусом».

«Он разбойник и счастливец одновременно...»

Крихейм, генерал, представитель ОКВ в Северной Африке:

«Что касается Роммеля, то я придерживаюсь такой точки зрения: его репутацию созидала пропаганда, которую сначала вел Геббельс, а затем Монтгомери...»

Гальдер, генерал-полковник, начальник генштаба вермахта:

«Характерные ошибки Роммеля показывают его как весьма неприятного человека, с которым никто не хочет конфликтовать из-за его грубости и из-за того, что ему покровительствуют сверху... Он явно не соответствовал задачам, которые ставили перед ним требования командования...»

М.Хейбер, биограф министра пропаганды Й.Геббельса, политолог:

«Геббельс систематически поднимал Роммеля, делал его символом победы в пустыне...»

Однако в деле фельдмаршала Роммеля, видимо, возобладали другая точка зрения на его полководческие таланты и верность долгу и фюреру.

Адольф Гитлер:

«Англичане делают Роммелю небывалую рекламу, так как, хваля его, им легче объяснить своему народу причины поражения... Прислушайтесь к тому, что о нем говорит Черчилль в палате общин, хотя бы из тактических соображений. Роммель в его исполнении изображается генералом с гениальными способностями».

Фельдмаршал Окинлек, командующий британскими войсками в Африке:

«Мы слишком много говорим о Роммеле, в результате создается реальная опасность, что наши войска станут его бояться. Как бы он ни был способен, Роммель совсем не сверхчеловек».

Перед самым сражением под Эль-Аламейном Геббельс, переговоривший по прямой связи с Роммелем, тут же на пресс-конференции в Берлине заявил:

«Сегодня мы находимся в сотне километров от Каира и Александрии. В наших руках ворота в Египет, и мы собираемся действовать! Я верю в воинский гений Эрвина Роммеля...»

ПРИЛОЖЕНИЕ к аналитической справке. Гриф «сов. Секретно». Выдается только по требованию зам. начальника ГРУ.

Выводы, носящие характер оценок разведпотенциала противника, сделанные ана-

литиками Управления, указывают на то, что частично в провале немецкой военной кампании на Севере Африки в конце 1942-начале 1943 годов виноваты разведслужбы гитлеровской Германии.

Как ни парадоксально, но именно в войсках Роммеля (а не в Берлине или на советско-германском фронте) обострилось противостояние сразу трех разведуправлений Германии: СД, абвера и «пропагандистов» Геббельса-Риббентропа.

Шестое управление: внешняя СД (разведка за границей). Штат - до 5000 сотрудников. Структура - восемь групп. Орган партии (НСДАП). Потенциал: до 5000 агентов. В Северной Африке пересекалась деятельность VI группы - (Франция), VII-2 группы - (Испания и Португалия), VII-1 группы - (зона американского влияния) и - непосредственно VII-3 (Северная Африка). С начала 1941 года и по май 1945 года руководитель СД - Вальтер Шелленберг (спецхран ГРУ, личное дело Шелленберга. Документы VII-B-группы 7 Управления РСХА).

«Пропагандисты». 3 Управление РСХА (с подчинением внутренней СД - оперативная разведслужба). В подчинении министерства пропаганды и иностранных дел Германии находились прикрепленные к их службам специалисты групп III-B и III-C Управления (общее руководство осуществлялось группенфюрером СС Отто Олендорфом. См.: спецхран ГРУ, личное дело Олендорфа. Документы VII-B-группы 7 Управления РСХА).

Абвер (Управление разведки и диверсионной работы генштаба вермахта). Высокопрофессиональное и строго конспирированное ведомство, организованное капитаном I ранга Конрадом Патцигом. Система отделов и служб. Нашего интереса заслуживают II отдел (полковник Эрвин Лахузен) - «аусланд», агентурная сеть и III - отдел спецопераций (с 1942 года - полковник Рейхард Гелен).

С 1934 года начальник абвера - адмирал Вильгельм Канарис - мастер агентурно-диверсионного дела (агентурные документы на имена: Лазаря Захарнадиса (грек), Реда Розаса (аргентинец), Отто Зелигера и Герхарда Вольмана (немец), Мойши Мейербера (еврей), Георга де Винда (голландец) и др.) Данные на Канариса, Лахузена, Гелена - спецхран ГРУ, раздел «Абвер» - БНД.

С июля 1939 года представители этих трех разведорганов начали соперничество за «поле деятельности» на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Вследствие чего руководство ОКВ, ставка и РСХА получали совершенно разноречивую информацию как о противнике, так и о состоянии дел в итало-немецкой группировке, непосредственно на территориях оккупированных стран, в верхах формирующихся национально-освободительных движений.

В Северной Африке столкнулись интересы и карьерные устремления «полевого» руководства разведорганов Германии: генерала Франца фон Бентингера (РСХА), абвера - полковника Рейхарда Гелена, референта Министрства пропаганды Хайнца Весселя, сотрудников итальянской военной разведки генерала Роатта, резидентуры абвера под руководством доктора Пауля Леверкюна, разведуправления штаба «Африканского корпуса» - полковника Густава Рена. (Данные на имяреков - спецхран ГРУ). <...>

<...> особо отмечается, что как с руководством «полевых разведорганов», так и с армейскими разведками итальянцев и немецких «африканцев» успешно осуществлялся контригра MI-6 и американских спецслужб из ОСС и Джи-2. К примеру, в 1946 году абверовец - майора Михаэля, - с 1943 года бывшего заместителем начальника управления иностранных армий (Запад) полковника Рена, службы ГРУ в американском секторе Германии засекли в форме американского военного при штабе Эйзенхауэра...

В этом свете интересна и роль самого фельдмаршала Роммеля. В ноябре 1942 года у берегов Испании люфтваффе был сбит самолет с английским курьером, везшим в штаб Монтгомери секретное письмо с изложением плана операции «Торч» (Архив военно-стратегических мероприятий МО СССР). Чуть позже секретарь из объединенного штаба вооруженных сил Британии прямо на улице Лондона потерял секретное донесение с данными по операции «Торч» (Спецхран ГРУ. Фонд оперативных мероприятий за рубежами СССР. «Операция «Выемка». Разработка резидентуры ГРУ в Англии). <...>

В декабре того же года в штабе генерала де Голля неким арабом, жителем деревни Бакия, были доставлены карты с нанесенными диспозициями войск в Северной Африке, якобы упавшие с проезжавшего армейского грузовика...

Все эти факты легли в основу «Доктрины военной кампании Африканского корпуса Роммеля» на период зимы 1942- весны 1943 годов. Фельдмаршал, ссылаясь на данные

своей разведки, докладывал в ставку, что войска союзников никаких операций в районе Ливии-Туниса-Алжира до марта не будут проводить...

Результат: 8-я армия англичан выбила войска Роммеля из Эль-Аламейна. Его корпус был прижат под Габессом между озерами, соляными болотами и безлюдной каменной пустыней. А сам фельдмаршал якобы пришел к выводу о необходимости оставить Ливию и держать оборону в... Тунисе, где уже началась полномасштабная высадка североамериканских войск и активизация французских соединений.

Со своими «планами» Роммель САМОЛИЧНО, бросив войска, выехал к Гитлеру, уговаривая его, что сопротивление в Северной Африке для немцев... «абсурдно». Но фюрер дал понять фавориту, что ни он, ни Муссолини никогда не отдадут приказа к отступлению. После этой поездки активность Роммеля, как военачальника, резко пошла на убыль. Словно фортуна и виктория оставили «лиса пустынь»...

Еще задолго до своего провала был зафиксирован случай с Роммелем, когда он во время победоносного и нашумевшего танкового рейда из Тобрука к египетской границе неожиданно покинул расположение штаба, улетев ЛИЧНО на разведывательном самолете. Двое суток никто не знал, где находится фельдмаршал. В результате в его войсках началась паника и они отступили. <...>

6 июня 1944 года начинается десантирование союзников в Нормандии. А 4 июня, выехав из своего штаба на машине, опять внезапно - до 7 июня - исчезает командующий немецкой группой армий «Б» во Франции фельдмаршал Роммель. Позднее историки оправдают этот поступок «сентиментального» настоящего немецкого семьянина Роммеля. Он-де хотел отвезти в подарок своей супруге на день рождения пару туфель...

Однако факты говорят об ином:

командующий 7 армией в тот же день проводил штабные учения с высшими чинами вверенных ему дивизий, но почему-то в очень отдаленном от побережья городке; командир танковой дивизии, прикрывавшей побережье, убыл за развлечениями в Париж;

командующий западными военно-морскими силами уехал на отдых в Бордо;

в отпуске, на охоту были отправлены старшие офицеры оперативных управлений и разведорганов штаба группы армии «Б»;

повальную попойку в штабе, в ночь с 5 на 6 июня, устроил оставшийся за Роммеля его начальник штаба генерал Шпейдель...

...И вновь у Роммеля на руках в этот период были разведданные, представленные в его штаб... начальником управления иностранных армий (Запад) абвера полковником Реном...

20 июля был раскрыт заговор генералов против Гитлера. Шли повальные аресты в высших эшелонах вермахта. Среди заговорщиков арестован генерал Шпейдель и еще ряд старших офицеров штабов армий группы «Б». Ими же процитированы слова Эрвина Роммеля: «Если Гитлер не образумится, тогда я открою западный фронт, ибо превыше всего сейчас - англичане и американцы должны вступить в Берлин раньше русских». Заговорщики также разъясняли, что Роммель должен стать послевоенным канцлером Германии...

14 октября, дома, Роммелю - старшим адъютантом Гитлера - было предложено самоубийство, похороны с воинскими почестями или - суд, казнь, расправа над семьей. Роммель мужественно принял яд из рук посланца фюрера.

...17 июля, когда Роммель был тяжело ранен и выбыл из строя, в МИ-6 было отдано сверхсекретное задание оперативной группе «коммандос» из 5 профессионалов категории «А» спецподготовки: «Похитить, вывезти из Франции и доставить в Британию фельдмаршала Роммеля!» Месяц спецгруппа вела охоту на командующего, отследивала его передвижения по госпиталям, но задание выполнить не смогла. (Спецхран ГРУ. Особая папка спецопераций категории «А». МИ-6) <...>

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

ОСОБАЯ ЧАСТЬ. Подлежит ознакомлению только с письменного приказа начальника ГРУ. «Спецхран». ОВР и РАР.

...Ноябрь 1942 года. МИ-6 подготовлена спецгруппа «коммандос», категория «А». Район действий: Тобрук-Мерса-Матрух. Базовый лагерь в Корнуолле. <...>

Два взвода парашютно-десантной бригады специального назначения. Особая под-

готовка для ведения действий в глубоком тылу на территории противника. Место дислокации - Шеффилд, район пригородной резиденции архиепископа Саутуэрского. <...>

Отряд специального назначения «Хамсин». Место дислокации - Ливия. Особая подготовка в местных условиях. Принадлежность - последователи арабского мятежника-националиста «Шейха Омара». (Спецхран РАР ГРУ. Особый фонд ограниченного доступа. Разработка операции «Клинок». Изъятию и уничтожению не подлежит). <...>

Первая из спецопераций по похищению или уничтожению Роммеля. Условное название: «Лис пустыни». Проведена с 1 по 18 ноября 1942 года. Результат - отрицательный. При проведении операции уничтожены два взвода парашютно-десантной бригады, отряд «Хамсин», 9 «коммандос». Двое «коммандос» взяты в плен, вывезены авверцами в Германию. Там казнены. Трое - без вести пропавших. <...>

...ВЫВОД ПЯТЫЙ:

наиболее вероятен и такой вариант, как вербовка Роммеля американской ОСС, в комплексе с вариантом «психологического влияния» (см. вывод третий). В последующих разработках аналитиков из ЦРУ встречаются «недоговоренности» в период действия в Северной Африке представителя госдепартамента США в Алжире, посланника и офицера с службы разведки госдепартамента США Роберта Д.Мэрфи. В том числе, его тайная миссия 21 октября 1942 года на отдаленную виллу у Средиземноморского побережья в 90 миль западнее Алжира, в которой принимали участие представители генерала Эйзенхауэра и адмирал Дарлан. В этом участке зафиксировано и появление подводной лодки неизвестной принадлежности... Именно в эти же сроки происходили самовольные отлучки фельдмаршала Роммеля и полковника Рена на несколько суток. <...>

Кабинет заместителя начальника Главного разведуправления Генштаба РККА, корпусного комиссара Григория Салнина был плотно зашторен тяжелыми зелеными занавесями из драпа по трем стенам. На двух из них были оконные проемы. На третьей стене - секретная карта, занимавшая пространство от стены до стены и от потолка до пола. Карта мира, с нанесенными на нее рельефом местности, транспортными и водными путями, мелкими населенными пунктами и спецобозначениями, принятыми в агентурной работе военных разведчиков...

- Проходите, товарищ Аннаклычев, - Салнин встал из-за своего стола, шагнул навстречу Шукре, крепко пожал его руку, жестом показал на стул возле приставного столика. - Рад вас видеть в бодром настроении. Я пригласил вас на беседу по просьбе «Старика» - Петериса Яновича Берзина - начальника разведупра. Самого его нет сейчас в Москве, но он очень хотел бы с вами встретиться перед вашей командировкой...

Салнин прошел на свое место перед занавешенной картой, «угнездилися» перед письменным столом. Вместе с краскомом к приставному столу шагнул и сел напротив широкоплечий человек среднего роста, светловолосый, в гражданском костюме. Шукре, последние три года вживавшемуся в форму командира РККА, было непривычно видеть в кабинете корпусного комиссара штатского человека.

- Знакомьтесь! - Салнин протянул обе руки к вошедшим. - Шихберды Аннаклычев, выпускник спецкурса разведупра. Игнатий Степанович Степанов - наш сотрудник и ваш будущий куратор.

Аннаклычев и Степанов пожали друг другу руки, пылливо обменявшись взглядами.

- Вам предстоит еще не одна встреча, отработка взаимодействий, тогда и узнаете друг друга поближе, надеюсь, подружитесь и успеете наговориться. - Комиссар открыл ящик стола, достал оттуда папку с документами. - А сейчас я хотел бы уточнить некоторые моменты, возникшие в ходе вашей подготовки, товарищ Аннаклычев. Просто пополнить информацию о вас, вашей будущей работе...

Итак. Вы прошли специальную разведподготовку в школе Интеллидженс сервис. Первым вашим заданием было: вернуться в Советскую Россию к отцу, с его помощью внедриться на работу в НКВД, вести сбор информации, ее обработку и передачу связному из Лондона. Так?

- Так точно! - привстал со своего места краском, - если не считать некоторых уточняющих деталей...

- Да не вытягивайтесь передо мной, товарищ краском, кстати, как вас мама-то зовет?.. Шукра... - улыбнулся в усы Салнин, - да сидите вы - у нас строевое чинопочитание не принято. Эк в вас крепко засела легендированная военная выправка... Товарищ Степанов, мне кажется, здесь есть еще над чем поработать, сгладить что ли его показное офицерство. Как бы нам не переиграть с этим.

- Подработаем, Григорий Иванович, - серьезно отвечал ему Степанов, делая пометку карандашом в блокноте, лежавшем перед ним.

- Далее. - Салнин открыл папку, листнул бумаги в ней. - Так оно и произошло. Но... здесь, примите мои соболезнования, - умирает ваш отец. А вас самого совершенно неожиданно призывают в РККА и отправляют на курсы краскомов в Омскую пехотную школу. Хотя, нужно уточнить, для вас - неожиданно... А нам было любопытно посмотреть на ваши дальнейшие действия.

И, надо признать, они нам понравились. Когда работник особого отдела училища доложил о вашей с ним беседе, мы даже были несколько обескуражены вашей искренностью и откровенностью.

Вы прошли соответствующую проверку. Успешно окончили курсы краскомов и убыли к месту дальнейшей своей «службы». Вы уже побывали там, с местностью и людьми знакомились?

- Был, товарищ корпусной комиссар, - Шукра вновь дернулся, чтобы встать со стула. Ему не часто еще приходилось видеть перед собой командиров такого высокого ранга. - Простите... Я думаю, это была очень умная разработка. Отдаленный гарнизон за Котласом. Мое назначение туда производителем работ. Ведь в нашей школе я прослушал спецкурс по военно-строительному и саперному делу, получил нашивки с «топором и лопатой». А под Котласом та отдельная саперная рота, в которую меня направили, ничего кроме насыпной дороги не строила... Моя же задача: мосты через речушки да гати через болота, разработка примитивных их проектов, ничего сверхсекретного не носила...

- Да-да. Так и было задумано. Петерис Янович считал, что в этом качестве вы будете почти недоступны вашему английскому руководству...

- Прошу прощения, товарищ замначразведупра, - Шукра слегка порозовел щеками оттого, что прервал на полуфразе Салнина, - кто это - Петерис Янович?

Салнин, откинувшись широкой спиной, обтянутой габардиновой гимнастеркой, на спинку «развесистого» стула искренне похихатывал:

- Это вы меня простите! Я же автоматически, по привычке, именую товарища Берзина его настоящим именем. Наш начальник разведупра - человек с почти легендарной биографией! У него этих псевдоимен да кличек - полным полно. А я по привычке называю его настоящим именем отчеством. Для вас он - Ян Карлович Берзин. Главный руководитель и личный куратор в вашей командировке. Агентурная кличка - «Старик». Именно он лично курировал вашу разработку легендирования, подготовку. А мне поручено проконтролировать внедрение и отработать достоверную схему вашего выхода из задания, полученного в Лондоне. Ваше алиби, иными словами.

Прошу любить и жаловать - заместитель начальника разведупра Генштаба РККА по агентурной работе. Кличка - «Иезуит» - ваш покорный слуга...

- Пока мы будем с вами, Шукра, детализировать конкретное перевнедрение к англичанам, вам придется еще кое-чему поду-

читься. - Степанов, улыбаясь смотрел на краскома, уже в общих чертах представляя, какого рода беседа, занятие и практическая подготовка предстоят этому красавцу восточного типа, в так ладно сидевшей на нем форме краскома...

Шел второй час беседы в кабинете Салнина. Его адъютант уже дважды заносил тарелки с бутербродами, менял заварной чайник, подогревал кипяток. Шла детальная «сшивка» достоверного человека с конкретными установками на его легенду «по жизни».

- Итак, в последний раз, когда к вам в Котлас заезжал связной, он в полной уверенности действительно передал вам письмо от вашего папеньки Родофиникова-Аннаклычева, у которого побывал в его кабинете на Кузнецком мосту. - Салнин, склонясь к лежащей перед ним папке, еще раз сверился, что это соответствует задокументированным сведениям. - Мы не зря до сего времени держали в секрете факт кончины вашего отца. Вы, Шукра, уже профессиональный разведчик. И, надеюсь, простите нам эту, не совсем этичную, мистификацию. В нашей работе приходится иногда использовать самые неожиданные вещи, а это, чаще всего, спасает жизнь очень нужным людям... Считайте, что ваш отец все еще продолжает прикрывать вас от провала. Но... Вместо него в кабинете референта наркома по персидским проблемам сидит наш человек. Вернее, видел до сегодняшнего дня. Именно сегодня в НКВДе будет официально объявлено, что ваш отец скоропостижно скончался. Вы объявитесь в поле зрения ваших коллег из посольства Великобритании дня через два-три. Резко и основательно ставьте вопрос о вашем отзыве из России: здесь - личная трагедия, бесперспективность инженерно-саперного бытия в неперспективном стратегически месте. Ваша угнетенность положением в РККА Советской России, никчемностью и равнодушием родителя, главное - бесплодное прозябание профессионала. Желательно ненавязчиво подсказать бы вашим кураторам и такой вариант, что вы, по мусульманскому обычаю, обязаны в этот трудный час поддержать мать, быть с родственниками, поститься и очищаться духовно перед Аллахом, так? - уловив утвердительный кивок Шукры, комиссар продолжил. - Но здесь не пережимайте! У вашего начальства должна как бы самостоятельно возникнуть мысль о переводе вас на Ближний Восток, туда, где у их агента есть перспектива, местные, немалые возможности, поддержка. Где не ослабевают, а наоборот - умножаются их усилия и возможности влияния. Вот это как раз и есть основная часть вашего задания. Вы нам нужны среди своих - в Сирии, Египте, Ливии, Трансиордании.

Напутствуя разведчика, Григорий Салнин внутренне поражал-

ся уму, профессионализму и предвидению, которыми обладал его друг и начальник Берзин. Человек без систематического классического образования, член партийной боевки, истерзанный ранами, допросами и побоями в охранке, тюрьмами и каторгами, он, с приходом к власти большевиков - его соратников, сразу вырос до масштабов государственного, политического и военного деятеля. Привнес в порученное ему дело всю свою природную энергию и интеллект, приобретенное умение. Жестко поставив все это на службу революции, народу.

Вот и в случае с этим парнем Петерис просто и гениально засек появление необычного человека в доме сотрудника НКВД. И, воспользовавшись ситуацией, провел блестящую, молниеносную комбинацию под носом у агентов Интелледженс сервис, словно заранее предвидя, что парень-то окажется стоящим, талантливым, верным и полезным именно на том направлении, куда его сейчас готовят...

Почти месяц ушел у Шукры и Степанова на «притирку». За это время Аннаклычев сумел через ГУК Наркомата военных дел уволиться из кадров, сдать квартиру отца, распродал его вещи, передал Наркомату инодел отцовскую библиотеку, заодно испросив себе право покинуть Россию для воссоединения с матерью и ее семьей. Как и предусматривали Берзин с Салниным, руководство Интелледженс сервис еще и повысило Шукру в звании до капитана за работу в тылу войск вероятного противника, решило использовать одного из учеников полковника Лоуренса на театре военных действий и интересов почти всех европейских стран и САСШ - в арабском мире на четвертом континенте и в Средиземноморье.

Отработка деталей операции внедрения, основного задания и средств связи у подружившихся молодых людей шла в доме на набережной Москвы-реки. Здесь, еще в квартире отца, занимаемой им до отъезда, а также в соседней по лестничной площадке квартире, где временно обитал Степанов, превратив ее в настоящий учебный центр. Разведчиков сблизало не только предстоящее общее дело, возможно, на долгие годы, но и многие совпадения в их судьбах. Шукра откровенно, в деталях, сопереживая вновь, рассказывал Игнатию об отце и матери, о жизни в Тегеране, нелегком воинском обучении в Лондоне, о семье деда, его поместье под Дамаском...

Степанов, словно переключаясь с ним, вспоминал свое детство в бакинских переулочках, во много- и добрососедстве интернациональном. Потом свою боевую юность в эскадронах Второй Конармии. Первое задание на вывоз из Турции и Греции белогвардейцев и эмигрантов, желавших вернуться на родину. Агентур-

ную работу в группе бывшего члена реввоенсовета армии, личного друга М. Фрунзе и чекиста Константина Макошина, свой приход в разведупр РККА к Берзину...

- Ты, Шукра, главное помни всегда - я рядом. Я с тобой. За нами - мощь и весь ум нашей партии, армии. А люди это, я тебе скажу, - ого-го, какие головастые, толковые, но и простые. Не кичливые, - Степанов ерошил свою светлую буйную шевелюру, возбужденно ходил по комнате, стараясь передать свое убеждение и свои ощущения Шукре. - А знаешь, наша с тобой работа мне очень напоминает атаку: сначала все бурно, на вздохе! Потом захлебываешься своим криком, и голова начинает думать - как бы уцелеть! А когда видишь, что штыковой бой неотвратим, здесь уж, брат, все по расчету выверено - на победу...

ИЗ ДОКЛАДА КУРСАНТА Ш.АННАКЛЫЧЕВА НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРА ГЕНШТАБА РККА:

«Обычно английские секретные службы набирают своих агентов среди офицеров, интеллигенции, студентов, бизнесменов, маклеров, провинциальных служащих. Для их подготовки используются как стационарные разведшколы, военные колледжи, так и передвижные «полевые» курсы, располагающиеся в сельской местности. Между офицерами военной разведки всегда были разногласия по кастовому признаку. Соперничество, зависть, вражда. Все это пытаются сгладить, особенно на территории противника, неограниченными ассигнованиями. Деньги, свободный доступ к фондам, как бы сглаживают различия между «лордами» разведки и париями... Я был в числе последних. Да еще и «не чист» кровью.

УРОКИ И.СТЕПАНОВА:

«Никогда не обряжайся. Накладные усы, там - борода, парик - все это глупость. Будь самим собой, так легче прожить не напрягаясь. Наша разведка - не трюки циркачей или приключения. Прежде всего - это напряженный труд, воля и выдержка, мозговитость. Передумай своего соперника - и он побежден!

Никогда не жалея денег. Легче купить какие-то сведения, чем рисковать из-за них своей и нашими головами. Но не забывая - угроза провала всегда реальна - работа наша самая опасная...

Я понимаю, для тебя родной дом, родина - там, где мама, родичи... Но здесь, в России, жил и похоронен твой отец, - русский по духу человек. Да, у нас пока многого нет. У нас и голодно, и голо. Но в тебе постоянно должно быть чувство, что Россия - это и твой дом, твоя родина. Мы все здесь твоя семья, Шукра. В любой момент, как бы плохо тебе ни было, Советская Россия тебя прикроет, вытащит, приласкает. И еще, - знаешь, в Англии есть пословица: «Все равно это моя страна. В любом случае - права она или нет, она - это я!» Помни об этом всегда. Увидишь, будет легче».

«КЛИНОК - ЦЕНТРУ»

Оказывается, я - шейх. Я - наследник рода и традиций Аль-Хесси. «Гордон» получил благословение на работу. приступаю к выполнению основного задания. До встречи».

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ ПОНЕВОЛЕ

Генералы Василевский и Бодин, которые пришли на доклад к «хозяину» с начальником ГРУ генерал-майором Алексеем Панфиловым и, приехавший чуть позже, нарком НКГБ Всеволод Мер-

кулов, - напряженно ждали, что скажет Сталин на только что произнесенные слова главного военного разведчика о готовящемся немцами покушении на жизнь советского партийного и военного лидера...

Сталин не приглашал генералов к столу. Не разрешил им сидеть. У стола сидел лишь, нахохлившись, словно ворон в непогодь, сверкая исподлобья пенсне, Лаврентий Берия. Сталин молчал. Его левая рука, лежавшая поверх стопочки документов, мелко подрагивала. Взгляда глаз, под набухшими пухлой синевой век, не было видно. И это было странно, словно пустые глазницы слепца вперились в генералов. Сталин не отключался от происходившего у него в кабинете. Сталин не впадал в забытие, как это показалось Меркулову. Сталин думал. Вспоминал. И Сталин боялся, что эти вот brave молодые высокие чинов, сумевшие добыть этот кровавый план-замысел немцев, вовсе не так всемогущи на своей территории от Смоленска и до Владивострка. От Мурманска и до Тифлиса... Боялся, что бесноватый Адольф и его хитромудрый, как корабельная крыса, грек-недоносок в адмиральских погонах прорвут заслоны его, сталинских, чекистов. Подстерегут. Подорвут...

Сталин боялся и смерти, как таковой, бродившей за кремлевскими стенами, и - бесславного конца. Кто это еще сможет удерживать невероятным напряжением мозга, интеллекта, жесткими руками - Сталин быстро взглянул на подрагивающую кисть левой руки и поморщился - страну? Им выстроенную систему. Режим. Этот затаившийся народ. Ну - не Лаврентий же! Или этот, обдываявшийся от одного сталинского взгляда, старый козлотородый «всесоюзный староста»? И уж точно - не эти мальчишки в мундирах, которых он словно шахматы на доске двигал и убирал, задумывая новые комбинации...

Лаврентий... Сталин вновь поморщился. Да, это он - Лаврентий - был тогда, два с половиной года назад в его кабинете, когда речь шла о разведработе в Африке.

Нет, этот похотливый, не умеющий весело пьянеть в застолье, мастер дел заплочных и сборщик сплетен на всех и вся, которого чуть было не обвинили в предательстве большевики Абхазии, - не может быть никем, кроме как... берией прием - Кобе! Да, именно Берия и его бериевцы, понял вдруг Сталин, и только они смогут выловить, обезвредить гитлеровского убийцу. Будет Сталин - будет и всемогущий... пока... Берия. Они, как близнецы, появившиеся обстоятельствами, делами, историей, как пуповиной, и только вместе могут сохранить себя еще несколько лет.

И найдя эту мысль, в клубке других, терзавших в это утро мозг,

Сталин успокоился. Встал. Подошел к Берии. Тот тревожно, преданно вскинул на «хозяина» пенсне. Сталин положил свою левую, уже не трясущуюся руку Лаврентию Павловичу на плечо. Чуть сжал плечо. Чуть потрепал, успокаивая.

- Надэ-ж-ны ли полученные вами сведения? Ответе вы, гэнэрал Панфилов...

Как всегда в минуты глубокого душевного волнения он говорил с очень сильным акцентом, иногда даже забывая простые и нужные русские слова, которые любил и умел, в другое время, даже стихослагать.

Панфилов выставил на левой руке перед собой папку из кожзаменителя, открыл ее, но, не взглянув, «поедая» взглядом только «хозяина», докладывал, судорожно сглатывая холодную слюну, оросившую его рот:

- Источник этой информации, товарищ Верховный Главкомандующий, совершенно надежен. Вот уже тринадцать лет он осуществляет агентурную работу. Срок для нелегалов почти критический. Но у него подлинное и глубокое внедрение в высшие сферы арабского мира. За это время вся его информация была очень точной, полезной, своевременной. Данное сообщение о Вашем... о... на Вас... Виноват, товарищ, Верховный Главкомандующий, о замыслах немцев, получена от специального эмиссара адмирала Канариса в Северной Африке - полковника Гелена, кстати, он только что назначен заместителем начальника абвера. Кроме того, мы перепроверили все это еще раз. Наши люди, непосредственно работающие в районе подготовки террористов, подтвердили их существование. Уже ведется дальнейший поиск и наблюдение.

Панфилов, уловив жест Сталина, чуть приподнял папку, покоящуюся на согнутой в локте руке, и зачитал текст:

«КЛИНОК - ЦЕНТРУ.

Приступил к работе приштабе африканской войсковой группировки вермахта. В связи с особенностями внедрения, прошу связь вести по варианту «Б-4» в кодированном поле.

Получит от «Странника» указание на проведение операции по изъятию либо уничтожению командующего. <...>

Одновременно в районе Тобрук - Мерса-Матрух будут по аналогичному плану действовать спецгруппы с Острова. Прошу подтвердить полномочия на самостоятельные действия и принятие решений по обстановке.

СРОЧНО. СВЕРХВАЖНО.

Представителем абвера со специальными полномочиями <Г...> произведена моя вербовка. Назначен координатором немецкой военной разведки среди местной знати. <Г...> в личной беседе попытался сформировать мое мировоззрение в духе преданности идеям фюрера, их военно-политической доктрины о поствоенном мировом пространстве. Закрепляя успех, облек меня особым доверием, <Г...> рассказал о структуре абвера, успехах некоторых его подразделений на территории противников Германии.

Полагаю, особого внимания следующее: в районе Пруссии действует сверхсекретное учебно-разведывательное и террористическое подразделение абвера - «бюро Вали». Руководитель - личный друг <Г...> и начальника абвера - фрегаттен-капитан Целлариус. Среди 130 военно-разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов 60 школ по подготовке агентов абвера на советско-германском фронте; это наиболее оснащенное, успешно работающее, элитное подразделение. Подчинение - лично <К...>. Там действуют такие люди из русской эмиграции, как бывший адъютант генерала Юденича, племянник Врангеля, известный разведчик барон Шмальшлегер.

Несколько месяцев назад там началась подготовка агентов особого назначения (мужчина и женщина) по программе и под непосредственным контролем полковника Скорцени.

Задача:

по подлинным документам внедриться в Москву;

владея в совершенстве миниатюрным оружием особой убойной силы, произвести теракт в отношении тов. Сталина;

деятельность всей агентурной сети абвера в Москве и вокруг нее ориентируется на эту операцию - прием террористов, разведка места действия, график движения объекта, обеспечение прикрытия, вывод агентов из зоны действия, обеспечение операции перехода на немецкую сторону.

ИЗВЕСТНО:

Точно известно, что подготовка шла в г.Рига. Осваивается оружие типа «базуки» - ручной «панцер-кнакке» (снаряд 30 мм., кумулятивного свойства, пробивает броню в 40 мм. с расстояния в 300 м.). Акт намечен на годовщину революции в России. Документы прикрытия задействованы из военной контрразведки. Заброска будет осуществлена воздухом специальным самолетом типа «Арадо-332-у».

ПРЕДПОЛАГАЮ:

Это не первая тергруппа с подобным заданием. По ее образцу готовится несколько дублеров с поправками на обстоятельства. В данном направлении работает, очевидно, «АБверкоманда-204» под Ленинградом.

Прошу особое внимание обратить на эту информацию. Авторитет тов. Сталина в Англии, США, Африке и в самой Германии высок настолько, что только с его именем связывают успешное сопротивление немецким войскам, верят в него.

Желаю всем нам победы.

До встречи, дядя Степан, твой <...>».

Сталин жадно вслушивался в каждое слово донесения агента. К нему после прочтения последних строк вернулась взволнованность. Скрывая это, он обернулся к Берии:

- Служай, Лаврэнтий, похоже, это донесение от того же человека, о котором нам рассказывали генералы Голиков и Михеев весной сорокового года!

Сталин озадаченно помотал головой, вспоминая что-то. Вновь, проигнорировав генералов, заговорил с Берией, уже доброжелательно поглядывая, как тот тяжело приподнимает обрюзгшее тело, выпроставаясь из-за стола:

- Помню, ты, Лаврэнтий Павлович, тогда обещал нам, что мы получим достоверные данные с театра военных действий англэ-американских войск против итало-немецких в Средиземноморье, на сзвере Африки, в странах Магриб? Я не ошибаюсь?

Берия, сняв пенсне, нервно протирал его шелковым платком, повернулся всем телом к Сталину, склонив голову, вслушивался в речь «хозяина».

«Как же, - думал этот умудренный в разведработе и контрме-

роприятиях мастер, - ты ошибешься! Один раз вошедшая в твою рябую башку блажь уже ничем оттуда не вышибаема... И эти марионетки в галифе - словно воды в рот набрали, - Берия зыркнул исподлобья на молчавших, вытянувшихся перед Сталиным генералов. - А уж Сева Меркулов доволен-то - в итоге ему же ловить немецких придурков с огнеметами. Ему и докладывать «хозяину» о спасении сиятельной жизни... А ведь на его месте должен был бы быть это педераст Витюша Абакумов - дело-то затевается «смершевское». Но слаб Витюша не только на попку, но и в коленках - вот и не взяли его с собой генштабистские попугаи, побрезговали! А я еще хотел его с Севой лбами стукнуть... Забыл - не забыл, в этой чертовой чехарде с чекистами мне только о кововской ромашке помнить! Это у него башка, как энциклопедия, все нужным и ненужным дерьмом напичкана, все помнит... Хотя без его башки и моей на плечах не удержаться».

Сталин терпеливо ждал, когда Берия вплюснет пенсне в переносицу, откроет заглубленный ниточкой меж пухлых щек рот с синеватыми губами. Дождался.

- Это товарищ Сталин может себе позволить помнить все, - Лаврентий Павлович начал разговор вслух именно со своей последней мысли, полагая, что она и есть главное, чего хочется сейчас услышать «хозяину», - мы - клерки, решаем задачи дня сегодняшнего, локально. Нам помнить все бывшее даже вредно. Отвлекает от главного в данный момент... Но я вспомнил тот день и Ваши указания - как и на что нам ориентировать этого ценного агента, товарищ Сталин! Считаю, его информация сегодня заслуживает первостепенного внимания всех правоохранительных органов и сил безопасности. Потому удивлен, что на докладе товарищу Сталину отсутствует ключевой кадр из этих систем - начальник Главного управления контрразведки - «СМЕРШ» Абакумов. Или вы, товарищи генералы от Генштаба и разведок, сами, своими силами думаете вычислить вражескую агентурную сеть в Москве и прифронтальной зоне, повязать террористов?

Слушая Берия, Сталин еще более осознавал, насколько ловок в таком вот диалоге Лаврентий, насколько он дополняет ЕГО - Сталина, нужен ЕМУ, полезен пока...

- Считаю, - Иосиф Виссарионович качнул указательным пальцем правой руки в сторону Василевского, - товарищ Берия прав по существу. У вас в Генштабе и на фронте дел невпроворот, и какие-то террористы, которые пусть и угрожают здоровью и самой жизни товарища Сталина, не стоят отвлечения от дел начальников такого масштаба, как вы. Товарищ Сталин за свою жизнь видел столько угроз, нападений, сам занимался экзами, что еще

одна попытка, пусть и хорошо подготовленная, не сможет выбить из рабочей колеи товарища Сталина. Да.

Лаврентий Павлович, тебе нужно возглавить межведомственную комиссию по выяснению всех деталей готовящейся в Москве провокации врага. А НКГБ, ГРУ и «СМЕРШу», под твоим руководством, предстоит координировать все действия вплоть до поимки агентов-тэррористов... Приказ об этом товарищ Поскребышев заготовит уже сегодня.

Теперь, генерал, - Сталин перевел палец с Василевского на Панфилова, - я хочу сказать, что вы, напуганные предстоящим покушением на товарища Сталина, поспешили с этой, на ваш взгляд очень ценной информацией ко мне. Похвально, - мы теперь знаем и место нахождения, и методы работы строго законспирированных гнезд абвера. Знаем вдохновителей этих акций. Можем анализировать их действия, опережать их, противостоять им.

Но как же получилось, генерал Панфилов, что вы упустили самое главное в донесении нашего агента? - Сталин ссутулился, прошаркал мимо Берии к своему креслу, тяжело опустился в него и вдруг заговорил жестко, почти непозволительно даже ему в этой компании военачальников. - Начальник Генерального штаба всей Советской Армии, ее мозг; главный оперативник этого штаба и его мозг; начальники двух мощнейших в мире разведок - военной и зарубежной, славные стражи нашей безопасности; - вы что же, были ослеплены той информацией, что дурно пахнет приключенческим романом, чтобы не заметить главного?!

Сталин любил вникать в работу разведки, считая и себя большим мастером политической интриги. Особенно его радовало, грело душу, когда он умел схватывать налету, вычленить суть предполагаемой «головоломки». Оказаться масштабнее в оценках, чем специалисты разведдела:

- Товарищ Сталин за вас, генералов и асов разведки, делает выводы... А они таковы - наш агент вошел в доверие к высшим чинам абвера. Ему доверяют очень секретную информацию, видимо, планируя ввести его в подобную же операцию, на таком же уровне. Так? А если это так, то, может быть, вы подскажете мне, неспециалисту в вашем деле, - где, когда, против кого и зачѐм абвер готовит подобную пакость, что им оч-чень подошел наш товарищ? И вот тогда мы уже заранее и реально сможем предотвратить их операцию. Или... вовремя предупредить, предостеречь, скажем, лорда Черчилля, а?

Сталин довольно посматривал на обескураженные лица его слушателей - на пунцового Панфилова и бледного Меркулова. И только Берия, казалось, оставался безучастным и спокойным. Он ни-

как не отделял себя от Сталина. Его ум - от своего. Его гнев... - от гнева всей партии большевиков.

Вождь, вдоволь насладившись растерянностью генералов, уже мягче, почти по-отечески, спросил:

- Сколько, говорите вы, лет уже верно и очень полезно работает наш товарищ в Африке? Кажется, почти пятнадцать? А по национальности он, по-моему, туркмэн? - здесь уже не выдержал и Берия. Он резко повернулся к Сталину и смотрел на того с редким для Лаврентия Павловича чувством - страхом. И обожанием. Господи, - прошло почти три года, а он помнит даже такую деталь давнего разговора! Он что, - и вправду гений?

- Я думаю, Лаврэнтий Павлович, - Сталин уловил и его ужас, и смятение, и теперь явно насмеялся над ним - Берией! - такой верный нам, способный и мужественный человек, разведчик заслуживает и соответствующей награды?

Берия, поняв, что уже и за него все решено Сталиным, и его ответ ничего не изменит, только молча склонил голову.

- Какое звание у нашего разведчика, - обратился Сталин к Панфилову.

- Подполковник, товарищ Верховный Главнокомандующий, - отрапортовал начальник ГРУ.

- А есть ли среди ваших подчиненных, товарищ Панфилов, туркмэнь? - Сталин хитровато прищурился и, не допуская ответить начальнику ГРУ, сам же продолжил, - Много ли их? А сколько среди туркмен-разведчиков генералов? А из них, работающих нелегально в Африке? Или есть кто-то еще, водящий дружбу и заслуживающий доверия у заместителей начальника абвера? Я думаю, на большинство вопросов вы, генерал, ответите мне отрицательно. А отрицать блестящие заслуги очень способного человека, тем более в дальней разведке, будет совсем неверно! Не по-нашему. Не по-партийному.

Начальник Генерального штаба, пишите представление на нового генерала ГРУ! А начальник разведупра пусть заготовит наградные документы на высший орден СССР - орден Ленина.

«Ах, Коба, ах - актер, нет, не актер - режиссер, талант! - восхищенно думал о своем патроне Берия. Он отлично понимал, что теперь с него, ответственного за поимку убийц, Сталин три шкуры сдерет! Донесение-то стало сверхдостоверным: и писал его теперь уже восхваленный САМИМ генерал, кавалер ордена Ленина... - Так что, - размышлял далее Берия, - даже если у этого адмирала-макаки сорвется его сраный экс, на «хозяина» надо будет выпускать своих умельцев, - от Витьки Абакумова, - а потом брать их с поличным, в грохоте, но... холодненькими. Тогда только Коба поверит, что я сделал все. И даже больше».

«ИЗ СВОДНОГО ОТЧЕТА ГУК «СМЕРШ» ДЛЯ ЧЛЕНА ПОЛИБЮРО ЦК ВКП(Б), ЧЛЕНА СТАВКИ ВГК, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С ПОЛИТИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ НА ТЕРРИТОРИИ СССР ТОВ. БЕРИИ Л.П.

В период с декабря 1941 года по январь 1945 года сотрудниками ГУК были выявлены и обезврежены 16 вражеских групп, имевших задание на исполнение террористических актов против руководителей партии, Советского государства, военачальников. В большинстве своем они готовились органами военной разведки вермахта (абвер). Благодаря своевременно полученной информации, офицерам оперативного состава «Смерша» удалось не только определить основные места дислокации этих террористических центров как на временно оккупированной немецко-фашистскими войсками территории, так и на территориях сопредельных с СССР стран Европы, - но и внедрить в некоторые центры нашу агентуру. Эффективно предотвращать заброс вражеских спецгрупп, срывать планы абвера.

Обсобо отмечается интенсивная работа в данном направлении специальных абверкоманд на Западном и Северо-западном направлениях: а/к-104, а/г-112 (Псков), а/г-326, зондерлагерь 22 (Тарту и Вильянди), р-д/ш в Кейла-Юа, Кумна, Летса (район Таллина), разведцентр «Цепелин-Норд» (г.Рига). На этом направлении были зафиксированы забросы в наш тыл группы Политова-Шилова <...> Фангера-Краулия <...> Раковой <...>, около 30 агентов добровольно явились с повинной в органы «Смерша».

На направлении действия вражеской группировки «Север» немцами умело противостояли военные чекисты Балтфлота, 42-й, 67-й, 2-й Ударной советских армий. Поощрения заслуживают службы контрразведки под руководством: Соснихина П., Алова А., Маркова Д., Чугунова В., Кононенко Д.

...В полосе действий войск Волховского фронта контрразведкой были задержаны подготовленные в р-д/ш Стренчи (Латвия) немецко-фашистские агенты Кращенко <...>, Щетников <...>, Мокий <...> - в период июня 1942 - июня 1943 годов. Задание - покушение на ленинградских руководителей т.т. Кузнецова, Жданова, Щербакова <...>.

...Спецотрядом «Смерша» (руководитель - подполковник, а с 1943 г. - генерал-майор Кравченко Н.), предотвращена попытка покушения на глав союзных держав и вождя СССР тов. Сталина И.В. В ходе оперативных мероприятий разгромлена внедренная в Республику Иран разветвленная сеть немецко-фашистской агентуры, уничтожены спецотряды террористов О.Скорцени.

<...> в мае 1944 года на территории Северо-Кавказского военного округа была принята к радионигре и дезинформации противника группа резидента Шеллера <...>, обезвреженная ростовским «Смершем». По «наведенному мосту» чекисты вынудили руководство а/г-103 десантировать в районе п. Яшукуль (Калмыцкая АССР) отряд специального назначения, сформированный из немецких офицеров, завербованных абвером поляков, украинцев, грузин, эстонцев, русских - зондерфюрером Вербой (доктор Долль). Абверовцами было задумано - под прикрытием высаженных с самолетов «калмыцких спецотрядов доктора Долля» (10 групп по 25 человек) обеспечить проход в центральную часть Российской территории СССР террористов <...> с задачей покушения на тов. Сталина И.В.

В выполнении задачи кроме оперативного состава «Смерша» СКВО были задействованы офицеры Батайского авиаучилища (подполковник Казанский Т.), кавалерийский эскадрон (командир - Васильков И.), отряд погранохраны (майора Ильина А.). В ночном бою было уничтожено большинство диверсантов и два «фокке-вульфа» со снаряжением, прилетевших из Берлина. Группа террористов Огдонова <...> была взята в плен.

В местечке Летсе (Эстония) в составе 150 курсантов р/ш-17 готовились к покушению на высших партийных руководителей в Москве три автономных группы (в следствии наступления советских войск группы перебазированы в разведцентр абвера «Норд-Поль» под Кенигсбергом). Зимой 1945 года контрразведкой II Прибалтийского фронта была перехвачена и ликвидирована одна из групп Каспера Хансе <...>, вторая группа (14 человек) под руководством бывшего белогвардейца Л.Матизона была блокирована в районе острова Хиума сотрудниками «Смерша» КБФ. Террористы: Нури, Солонг, Кольдре, Асмин - взяты живыми. Цель группы - взорвать комплекс зданий на Старой площади в Москве <...>

Нач. ГУК «СМЕРШ»
Абакумов».

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВИЯ:

«В разведшколе мне присвоили кличку Карл... Нас стали обучать топографии, прыжкам с парашютом. Потом нас учили подделке паспортов, военных билетов, печатей, владению новейшим оружием, стрельбе в ночной темноте, различным приемам борьбы. Много времени отводили на отработку легенд. Я должен был рассказать, что якобы во время войны потерял родителей, жил у родственников с 1942 по 1947 год служил в Советской армии, работал на заводе. Проводились занятия по тайнописи... Снабдили адресом конспиративной квартиры в Париже...

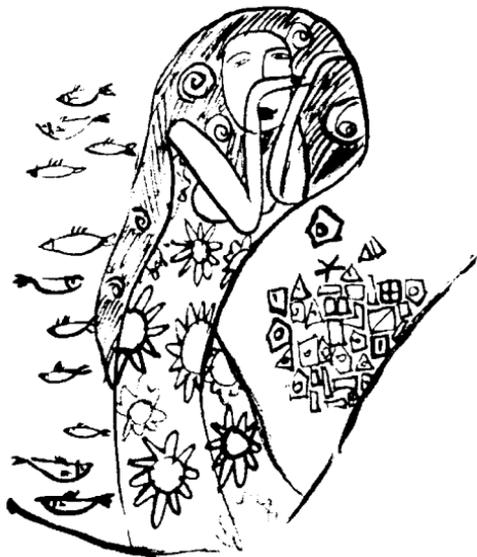
Разведывательно-диверсионная группа состояла из 4 человек. Четырехмоторный «дуглас» без опознавательных знаков благословили... на нарушение советского воздушного пространства. Приземлилась группа на опушке леса, близ деревни Клетнице. По радиации мы связались со штаб-квартирой диверсионной службы ФРГ, доложили о готовности выполнить задание по уничтожению Сталина... Выехали в Москву.

Командир диверсионной группы

Виктор Борщевский.

В. Кассис. «Из тайников секретных служб».

НОЧЬ В ПОЛДЕНЬ

« - Мое указание - полный вперед!»

Ответ президента США Ф.Д.Рузвельта на вопрос конгрессмена Г.Гопкинса о судьбе операции «Болеро» и «Следжхаммер» по вторжению войск союзников в Северную Африку.

« - Господин фельдмаршал, вы можете капитулировать, когда угодно. На то вы и фельдмаршал...»

А.Гитлер - Э.Роммелю после битвы под Эль-Аламейном.

ИЗ ЛИЧНОГО И СЕКРЕТНОГО ПОСЛАНИЯ ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ГНА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛА Г-НУ СТАЛИНУ.

«...2. Строго секретно. Только для Вас лично. «Факел» развернется в самое ближайшее время в весьма значительном масштабе. Я понимаю, что политические трудности, по поводу которых Вы высказали беспокойство, разрешены удовлетворительно. Военная сторона операции развивается точно по плану.

Получено 5 ноября 1942 года».

«Я не был трусом, но не был и глупцом. Сознание вечной опасности отравляет разведчику все наиболее спокойные и радостные моменты его внешне благополучной жизни.

Не завидуйте разведчику, когда он надевает утром шелковый халат, днем садится за хорошо сервированный стол, а ночью идет в дорогой ресторан под руку с красивой женщиной. Помните: смерть всегда идет с ним в виде браунинга в кармане брюк или ампулы с ядом.

...Сладкие обещания не выполняются, благородные призывы оказываются обманом. Люди устали от несоответствия между тем, что пишется, и тем, что делается вокруг.

Наши люди хотят так мало - здравого смысла, честности и порядка. Хотят уважения к себе. Дождутся ли!»

Из записок разведчика ИНО ОГПУ Дмитрия Быстролетова, прошедшего после 16-летней работы нелегалом ад сталинских лагерей.

«По характеру своей деятельности мы встречались с Берзиным несколько раз, всегда уходили от него заряженные его оптимизмом, сознанием важности выполняемого нами интернационального долга».

Б.Слонинер, бывший воин-интернационалист в республиканской армии Испании, директор Реактивного НИИ.

В деревне Аталла, куда приехал по поручению Весселя Шукра, шло приготовление к закланию. В 20 метрах от берберской палатки находился очаг, на котором хозяйка с соседками готовили пищу. Мужчины быстро зарезали козу и сноровисто сняли с нее шкуру. Из этого животного целиком они собирались готовить мешуи - самое роскошное блюдо у степняков. На круглом латунном подносе с поднятыми краями, выложенном «хлебом» или блинчиками из ячменной муки, в густом пряном соусе из фула плавали куски козьих потрохов, приготовленных в кипящем масле и куски мяса с костями, зажаренные на огне. Хозяин палатки - старейшина деревни - Абдалла (Раб Божий), извлекая косточки из фиников и фаршируя из шариками масла козьего молока, готовил блюдо, которое он первым должен был подать Шукре на закуску.

На ковре у приподнятого палаточного полога полулежали кроме Шукры его воины, командиры сотен воинов Аллаха - Абдель-Кадер, Абдеррахман и Халед. Вот и пришла пора ставить им задачу на боевые действия. И воины Аллаха знали это. Они бесхитростно и буднично готовы были и на бой, и на смерть - высшую почесть мужчины-мусульманина, идущего на святое дело против неверных...

- Халед, помнишь нашу поездку в Испанию? - шейх бережно положил в рот фаршированный финик, прихлебнул кофе, зажмурился от удовольствия. - Помнишь, Халед, как марокканцы из сафийского корпуса арабской жандармерии, с которыми мы познакомились в Танжере на переправе, нас в Испании кус-кусом угощали? Я думаю, сегодня берберское угощение будет не хуже...

- Помню, господин, - отозвался Халед, который вот уже восемь лет сопровождает Шукру во всех поездках, которому командующий повстанческими отрядами сегодня доверял более, чем кому-либо еще, - тогда, в рощах под Эстремадурой мы двое суток ждали появления этого энглези, с которым Вы, господин, целую ночь разговаривали, не ели, не спали, а Халед стерег Ваш покой в окопе под апельсиновым деревом...

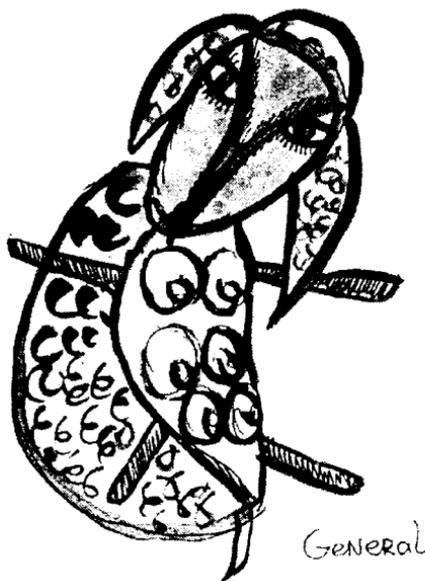
- Так ты, Халед, решил, что это был энглези? Почему? - искренне удивился Шукра.

- Очень уж он надменным был и не боевым совсем, да и немец с франкистами опасался больше, чем мы, - Халед, сам не осознавая того, искренне и точно охарактеризовал человека, с которым встречался Шукра, вызванный шифровкой из центра в Испанию в разгар боев франкистов за овладение республиканской Валенсией.

Шукра и сам не ожидал тогда, что на встречу с ним под Эстремадурой придет главный военный советник народно-демократического правительства республиканской Испании - генерал Гришин. Он же - «Папус». Он же - «Старик». Он же - легендарный начальник ГРУ, армейский комиссар II ранга Ян Карлович Берзин. Противостоящий тогда силой всей его зарубежной агентуры, его «сынками», могущественной разведсети гитлеровцев под руководством генерала Шперле, командующего спецгруппой «Кондор»...

Тогда, осенью 36-го, майора Красной Армии и капитана британской разведки Шихберды Аннаклычева и Шукру Гордона особо поразило, что анализ его работы за 9 лет Берзин производил на память, не имея никаких записей, вникая и в суть деятельности разведчика, и в мельчайшие детали той или иной ситуации. Причем, разговор шел только на английском языке... Но особенно Шукру поразили слова начальника разведупра советского Генштаба, сказанные ему - майору-нелегалу, которых в их системе работало тысячи, сказанные с абсолютной откровенностью:

- Очень важно вам, Шукра, помнить и знать, что бы ни происходило в СССР, какие бы ни совершались невероятнейшие события, - мне вы можете доверять всецело. Не станет меня - бой есть бой - доверяйтесь Салнину. Не будет моего друга и заместителя - верьте Степанову. Они - люди надежные. Настоящие профессионалы. Друзья. Они для вас за пределами Советского Союза - олицетворение нашей могучей страны рабочих и крестьян. Они - ваше прикрытие. Ваш дом. Ваше сердце...

Сегодня, готовя свои отряды воинов Аллаха к нелегкому бою в самом логове Роммеля, исполняя приказ руководства английской МИ-6, Шукра уже точно знал, что в советском разведупре уже нет больше Берзина. Но манера работы центра со своим агентом нимало не изменилась. Разведчик чутко ощущал уверенное ведение его по «полю» Салниным и Степановым. Так близко и дружески, как он провел три месяца в Москве вместе с Игнатием, Шукра сошелся в своей новой жизни только с Халедом. Только Халеду мог он доверить руководство завтрашней операцией в штабе немецкого «Африканского корпуса».

- Халед, встречались ли наши люди с англичанами, которые стоят лагерем у Скалистого плато? - не дожидаясь праздничного обеда, шейх начал уточнять обстановку, детали завтрашнего боя. - Подготовили ли сенуситы-пастухи свое пастбище для приема парашютистов?

- Йа оста! (Да, хозяин), - приподнялся с места Абдель-Кадер - представитель боевой сотни сенуситов. - Вади пока еще очень суха, дождей не было. Земля покрыта только сухими травами, - это аэродром, оста, а не долина! Мои воины готовят костры к ночи, они же примут англичан с неба и проводят их на место сбора...

- Таиб (хорошо), баша, ты хороший предводитель. Я верю, что завтра у твоего отряда получится все, что мы задумали.

Шейх строил свой план нападения на штаб немцев, исходя из рекомендаций тактического плана, который ему, почти не имевшему боевого опыта, пришлось почерпнуть из книги американца Джеба Стюарта, знатока партизанских действий в тылу врага. Эти свои знания, ощущения он пытался передать командирам отрядов, строго спрашивая с них за выполнение задачи.

Оранжевое солнце вставало над Тобруком. Мимо околоченного лагеря немцев, без дороги, напрямик по песку по направлению к поселку Сахлян двигался караван друзов-кочевников. Солдаты на сторожевых постах с любопытством и некоторой брезгливостью смотрели на этих, словно усохших до худобы под палящим солнцем людей, в серых, давно не стиранных бурнусах. Одежи, в котором для европейцев женщины мало отличимы от мужчин. Замыкавший верблюжьей колонну Абдеррахман даже не смотрел в сторону немцев. Пусть себе глазают! Но им-то не выглядеть, что под бурнусами у его друзов спрятаны карабины, патронташи с боезапасом. Его задачей было - обойдя Сахлян, сосредоточить караван со стороны складов с горючим, которым немцы заправляли танки. А на закате - ударить по складам, отвлекая на себя караул и комендантские подразделения штаба в Тобруке.

Так оно и произошло. Зарево от горящих и подорванных цистерн поднялось высоко в небо, притягивая к складам все новые силы из состава пожарной части и охранных подразделений. Но и у дороги к Сахляну, и в районе складов друзья вели плотный огонь из карабинов и пулеметов, сковывая немцев.

Комплекс штабных зданий в Тобруке состоял большей частью не из стационарных строений, а палаток, огороженных «колючкой», стоянок автотранспорта и полевого аэродрома. Удар в районе аэродрома наносили парашютисты шеффилдской десантной бригады спецназа, выведенные в этот район после приземления пастухами Абдель-Кадера. Сам он с основными силами атаковал корпусной пункт связи немцев, но напоролся на расположение танковой разведроты и увяз в позиционном бою с профессионалами, которые все туже стягивали огненное кольцо вокруг пастушьей сотни.

Немецкие патрульные бронемшины с прожекторами умело высвечивали места прорыва арабских отрядов, обильно поливали их позиции пулеметным огнем.

Халеду удалось блокировать штабные палатки. Его воины как бы составили внешнее кольцо наступавших, обращенное огнем наружу. Они сдерживали рвущихся на выручку Роммеля головорезов из личной охраны фельдмаршала.

Шукра, по сути дела принявший на себя командование ударной группой английских «коммандос», вел их к домику, где отбивались работники оперативного отдела корпуса и подразделения абвера. За этим строением, отсеченные забором, стояли две палатки, в одной из которых фельдмаршал жил, в другой - был его личный кабинет. Именно в жилой палатке и находился сейчас Роммель.

Крупнокалиберный танковый пулемет басисто садил очередями от забора. Кто-то из танкистов сумел перебросить его в этот район и умело «угнездить» у порожка фельдмаршальской палатки. Из двадцати великолепно подготовленных «коммандос», вооруженных короткоствольными автоматами, гранатами со звуко-шокирующим устройством, девять уже лежали бездыханно на подступах к зданию оперативного отдела. Плотность огня немцев возрастала и из-за того, что охрана фельдмаршала была не только по противостоящим им воинам Халеда, но и поверх их голов, прижимая к земле «коммандос».

Все решил подоспевший уже в темноте батальон легких танков, подходивший по приказу начальника штаба корпуса генерала Штумме, к Тобруку. Танкисты в подсветке прожекторов с патрульных бронемашин рванулись на позиции воинов Халеда, и вско-

ре стали слышны безумные крики арабов, попавших под гусеницы танков. У наступавших не было достаточного количества гранат, чтобы противостоять технике. Шукра дернул за куртку командира «коммандос»:

- Выдвигайте своих людей туда! Нужно хоть как-то отвлечь танкистов, дать возможность моим людям поменять позиции, иначе нас всех вместе зажмут в бронеловушке!

Но англичанин и сам понимал, что они попали в сложное положение. Отдал приказ. Несколько его парней теньями скользнули в тыл группе. В это время удачным выстрелом из ручного гранатомета один из «коммандос» сбил пулемет перед палатками фельдмаршала. «Коммандос», не дожидаясь приказа старшего, кинулись со всех сторон к цели. Но... опоздали!

Фельдмаршал, внимательно наблюдавший за боем, понимал, что рано или поздно пулемет будет сбит, и послал к абверовцам, успешно отбивавшимся справа от его палаток, своего адъютанта с приказом: как только пулемет замолчит, - группа разведчиков должна атаковать наступающих с фланга. Дежурный офицер связи и водитель бронемшины фельдмаршала в тот же миг выстрелили над «коммандос» из ракетниц. Слепящие шары зависли уже за спинами англичан, открывая их позиции как при дневном свете.

Шукра еще слышал отчаянные вопли на английском языке рванувшихся и попавших под плотный автоматный огонь «коммандос», ощутил всем телом приближение ревущих танков, утюживших метавшихся воинов Аллаха, когда рядом рванула противотанковая граната на длинной деревянной ручке, брошенная от палатки Роммеля. Земля дрогнула от взрыва, куда-то вбок метнулись в темном небе лучи прожекторов и все провалилось в черноту и спасительную тишину.

Фельдмаршал, все еще разгоряченный боем, в распахнутом мундире стоял в своей палатке у походного раскладного стола. Докладывал начальник охраны гауптман Розенталь:

- ...экселенц, мы добивали остатки нападавших уже за территорией штаба. Пункт связи выведен из строя. Есть жертвы в оперативном отделе, среди интендантов, разведчиков. Два англичанина взяты живьем, один из нападавших в передовой группе, по одежде - из арабов, взят раненым. На базе в Сахляне дела хуже - пожарная команда пока не может ликвидировать огонь на складе с топливом. Комендантские части и взвод СС преследуют нападавших уже в пустыне. Там жертв больше. С обеих сторон...

- Значит, это специалисты по диверсионным акциям - хваленые британские «коммандос»? - Роммель, заметно нервничая, принялся застегивать китель, повернулся боком к гауптману. - Что ж, в

таком случае пленных приказываю не брать! Арабов следует примерно наказать смертью за посягательство на жизнь командования вермахта. От «коммандос» толку мало. Эти профессионалы знают, на что идут. Они и так - смертники... Но, Розенталь, раз уж есть эти одушевленные трофеи, давайте их сюда, - хочу взглянуть лично на «отважных парней».

Оба лейтенанта из состава «коммандос» были изрядно помяты. Форма изорвана. Но держались они достойно. Даже перед самым фельдмаршалом, которого должны бы были в случае удачи уже волочь на взлетную полосу сунситской вади.

- Этот изорванный взрывом бедняга - тоже из вашей группы? - Роммель брезгливо указал на тело Шукры, залитое кровью, валявшееся у входа в палатку.

- Да, сэр, - один из «коммандос», повернувшись посмотрел на раненного шейха. - Он готовил операцию здесь на месте. И то, что мы попали под траки ваших «утюгов», зашедших с тыла, решивших дело, - его просчет. Нужно было на дороге в Тобрук предусмотреть засаду на такой вот случай... Прохлопал парень удачу!

Роммелью нравились эти спокойные парни. Они работали на совесть, профессионально и до конца. Так же спокойно ждали решения своей участи. Его решения. Фельдмаршала, за жизнью которого они пришли сюда, пытаюсь его судьбой и участью решить и исход битвы на этом континенте.

- Британцев к медикам и подготовить к отправке в рейх! Может быть, службам гестапо удастся что-либо вышибить из них. Мне ни они, ни их знания не интересны. - Роммель повернулся к лейтенантам: - Желаю вам выжить, господа офицеры. И в дальнейшем выказывать свою отвагу, а главное - честь не в таком подлом деле, а на поле боя. А покалеченного...

- Виноват, господин фельдмаршал, - из-за спин Розенталя и автоматчиков вперед выступил референт Хайнц Вессель, - этот раненый не простой террорист. Он - один из предводителей арабских племен на занятой нами территории. Отпрыск местной знати. А теперь, после признания британцев, думаю, что очень ценный агент из Интеледженс сервис. К сожалению, с ним работал инспектор из абвера - полковник Гелен, который позавчера вылетел в Берлин по вызову адмирала Канариса... Видимо, он тоже ответит, уже в рейхе, за непредусмотрительность в работе с агентурой... Завтра мы с личным представителем рейхсминистра Гимmlера - штурмбанфюрером Шульце летим в Берлин. И, если вы, господин фельдмаршал, разрешите, то мы возьмем с собой этого раненного арабского шейха и агента. В РСХА сумеют с ним поработать, да и абверу будет интересен этот тип...

- Забирайте, если он вам нужен, - махнул рукой в сторону Шукры Роммель. - Только врачам его покажите, пусть подштопают продырявленного шейха. Иначе будет вам приятная прогулка под небесами с трупом в фюзеляже... Вон как он кровью истекает!

Шукра пришел в сознание уже под руками немецкого хирурга. Несмотря на нестерпимую боль, он ясно осознал, что провалил задание. И ему, видимо, предстоит новый этап в жизни, если она еще будет, эта дальнейшая жизнь...

Ни «Гордон-Клинок», ни его руководство в Лондоне и Москве не знали продолжения судьбы разведчика. Они даже не знали, что Шукра еще жив. Что он из немногих, кто пошел в эту ночь в Тобрук и еще мог на что-то надеяться. Не знали почти до конца войны.

Окончание следует.

МИНИАТЮРЫ

ОДИНОЧЕСТВО

Ветер раскачивает высокую сосну.

Все ветви качаются вместе с ней.

И только одна, потоньше других, - круто размахиваясь, качается сама по себе.

Она считает себя особенной; не как все, - изящной и утонченной, с «особым взглядом на жизнь».

Налетел еще более сильный порыв ветра, отломил ветку, - и полетела она за ним, радуясь полету и свободе.

Как она презирала в тот миг своих кряжистых сестер, что крепко держались за родительский ствол. Пронеслась над кустарником, над зеленым лугом с белыми цветами, над озерком, восторгаясь его голубоватой чашей.

Но тут порыв ветра ослаб, и она полетела вниз, упав на прибрежную болотистую кочку. Попыталась поднять голову, взмахнуть веточками, чтобы ветер вновь подхватил ее, - но все напрасно.

Она навечно осталась одна, вдали от своего леса, не защищенная от дождя, который слезинками стекал с ее иголок. Как сейчас не хватало ей кряжистых сестер ее. За ними она могла бы укрыться от дождя и ветра. Как бы она хотела очутиться на родном стволе! Но, увы...

Только ветер и дождь, да неприютная болотная кочка...

ЛЕСНОЙ КОНСИЛИУМ

На дубе, что стоит в углу парка и простирает свои ветви над проходящей внизу тропой, увидела я трех дятлов.

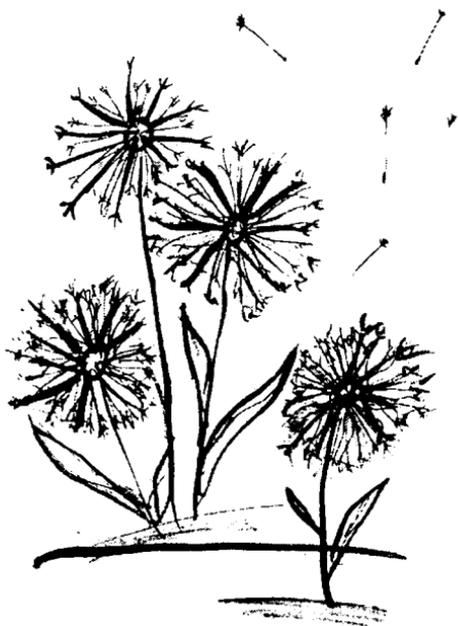
Несколько сухих ветвей дуба висели надломленные и покачивались на ветру.

«Дуб болен, - подумала я, - вот и собрались три лесных «доктора», чтобы обследовать его». Все в одинаковых красных шапочках, в пестрых мантиях и красных шароварах, серьезные, деловитые, ни на кого не обращая внимания, занимались они своим делом: простукивали дуб клювами, прослушивали, наклоняя головы к стволу, скользили вверх и вниз, и боком - вокруг ствола, о чем-то коротко переговариваясь.

То был настоящий лесной консилиум. Наконец двое, протрещав что-то длинное, - очевидно, свое заключение и рекомендации, - улетели. А тот, кто был «ответственным» за это дерево, остался лечить его, и еще долго слышался неутомимый стук клюва.

ТИШИНА

Бродя по острову, я вышла к тихой заводи. На шелковистой воде покачивалась синева неба. Весь берег устлан сухим камышом, принесенным разливом. Бесшумно пролетают стрекозы и, садясь на травинки, покачиваются на них. Слышится тихое шуршанье обрамляющих залив камышей. У берега из воды торчит огромная ко-

ряга. Толстые корни ее, как руки, заломленные вверх. Она - словно страж этой тишины и покоя.

Вдруг раздалась мелодичная переливчатая трель малиновки. Маленькая птичка села на веточку, покачалась и перелетела на другую, еще раз вывела свои коленца и упорхнула в гущу деревьев. И опять изумительная спокойная тишина.

Пройдя несколько шагов, я увидела в уголке залива лодку, вернее остов лодки, уткнувшийся носом в берег. Бортов не было, а дуги торчали, как ребра, белые от дождей и солнца.

Долго смотрела я на нее и все больше охватывало меня чувство покоя и умиротворения. Почему?

Наконец я поняла, - это от нее исходит такое чувство. Она была создана для этого покоя: вода, солнце, воздух, зелень - были ее окружением. И теперь, отслужив свой век, осталась здесь же, в своей стихии и не уродует ее своим присутствием, а наслаждается покоем и тем, что составляло смысл ее жизни.

«Это завидная судьба, - подумала я. - Не каждому дано такое счастливое окончание жизненного пути».

В РОССИИ НАС ЗАМЕТИЛИ...

Вести из ДПО

С 22 по 25 сентября в городе Отрадном Самарской области проходило Всероссийское совещание молодых литераторов. Эти совещания проводятся регулярно с незапамятных времен. Более того, если раньше они проходили примерно раз в два года, то теперь могут и два раза на год состояться.

В рамках этого совещания работал выездной секретариат Правления Союза писателей России.

Совещание должно было дать оценку молодой российской литературе, выработать рекомендации для наиболее талантливых ее представителей. И наконец - прием в Союз писателей на месте, на этом совещании тех, кто уже профессионально готов к литературной работе.

Полномочия у выездного секретариата очень серьезные.

Его представляли секретарь Союза писателей России он же ответственный секретарь Самарской областной писательской организации прозаик Евгений Васильевич Лазарев, секретарь Союза писателей России Николай Владимирович Переяслов, он же секретарь по работе с регионами, секретарь Союза писателей России по работе с национальными литературами Ванцетти Иванович Чукарев. На семинаре была член правления СП России Светлана Ивановна Матлина, ответ. секретарь Ульяновской областной писательской организации.

Кроме того, в руководстве семинарами участвовали самарские поэты, лауреаты Российских премий Иван Никульшин и Борис Сиротин, прозаик, лауреат нескольких российских премий, зам. ответ. секретаря Самарской писательской организации Александр Громов. Участвовали также критик и поэт из Вятки Алексей Смоленцев, лауреат многих всесоюзных и всероссийских премий, бывший секретарь Союза писателей СССР, бывший секретарь Ленинградской областной писательской организации Олег Николаевич Шестинский, руководитель Сызранской городской писательской организации Олег Портнягин.

Молодая поволжская литература была представлена в основном Самарской областью. Очень широко. Были литераторы из самой Самары, Отрадного, Тольятти (надо отметить, что впервые Тольятти принимал участие в таком семинаре, поскольку в городе нет даже ячейки СП России, там работают только писатели Российского Союза писателей). Участвовали молодые литераторы из Сызрани и Новокуйбышевска. Конечно же, из Ульяновска. Принимали участие литераторы из Москвы. Видимо, поэтому совещанию и был придан статус Всероссийского.

Нас представляли прозаик Вячеслав Первушин, прозаик Анна Филимонова и поэт, прозаик, краевед Феликс Касимов. Эти димитровградские литераторы были рекомендованы Димитровградским городским писательским отделени-

ем к участию в совещании. Работали два прозаических и два поэтических семинара. Поэтическими руководителями Н.Переяслов и О.Шестинский, прозаическими - В.Чукреев и Е.Лазарев.

За три дня работы семинара пришлось перелопатить довольно солидный объем рукописей, книг, альманахов и так далее, чтобы иметь хотя бы представление о том, на что способна сегодняшняя литературная молодежь.

К большому сожалению, полноценные книги смогли представить только Москва (один человек) и Димитровград (все трое). Остальные привезли журналы, альманахи, публикации в коллективных сборниках, а в основном - рукописи. Это литература, еще даже не дошедшая к издательству и не получившая отклика, оценки ни у читателя, ни у критиков, ни у издателей и рецензентов. Поэтому было сложно, приходилось не только выработать какие-то рекомендации, но и пытаться попросту учить авторов на ходу.

Я думаю (а я участвовал не в одном десятке подобных мероприятий), что этот семинар прошел на высоком профессиональном уровне. Это касается и тех, кто был представлен «на соискание», и теми, кто давал строгую оценку их произведениям.

Нужно отметить в первую очередь москвича из Перовской литературной студии Геннадия Милованова. Он представил нам как стихи (у него вышла книга, были и публикации в общих сборниках), так и прозу - роман. И в обеих номинациях Милованов получил достаточно высокие оценки. Это довольно редкое событие, когда в Союз принимается литератор сразу по двум номинациям. Он работает очень профессионально. Отмечена также работа этой студии, подготовившей самого настоящего профессионала.

Среди поволжцев, надо отметить без ложной скромности, наиболее весомо и профессионально выглядел Димитровград. Причем все три автора. Но если Касимова знают еще по прошлогоднему семинару, и в Отрадном просто шло подтверждение его статуса, то совершенно неожиданно для всех нас получил высочайшую оценку Вячеслав Первушин и была отмечена необычная работа Анны Филимоновой в жанре фэнтези. Здесь бы надо отметить (это подтвердили и самарцы и ульяновцы), что ни в ульяновской, ни в самарской литературе жанр фантастики не присутствует. Мы можем гордиться тем, что в нашей литературе фантастика есть и развивается. Доказательством тому - оценка творчества Филимоновой. Опять же замечу, что обычно на таких семинарах с фантастикой (как, впрочем, и с детективной литературой) не работают, считая ее занимательной, развлекательной литературой.

Хотелось бы мне отметить достаточно высокий уровень подготовленности самарских авторов, в том числе поэта Александра Басова (он бывший директор областного книжного издательства). У него есть и книжка, но, к сожалению, он несколько припоздал на семинар и ему пришлось довольствоваться пребыванием в лучах славы уже отмеченных ранее.

Стабильно в последние годы идет в литературу город Отрадный, сами хозяева совещания. Там работает литературная студия «Оракул», которую вот уже три года ведет известный самарский поэт Б.Сиротин. В прошлом году мы встречались в Димитровграде с отрадненцами, и двое из них были приняты в Союз. В этом году из Отрадного (представляли свои произведения четверо авторов) принята еще одна - Г.Самойлова. Так что в Отрадном создается полноценная писательская ячейка.

Фактические итоги семинара таковы: Союз писателей России пополнился пятью новыми литераторами. Было принято решение о зачислении их и выдаче им соответствующих документов. Эти пятеро больше обсуждению не подлежат. Первым в этом списке стоит Вячеслав Первушин из Димитровграда. Был принят, естественно, также Геннадий Милованов из Москвы. Как я уже говорил, Галина Самойлова из Отрадного. А также два тольяттинца - поэты Юрий Сизов и Сергей Тришкин.

Должен сказать и о второй форме работы семинара. Семинар выдает рекомендацию для вступления в Союз писателей России (известно, что для этого необходимо три рекомендации от членов СП), которая является обязательной для областных писательских организаций. Такие рекомендации на этот раз получили Филимонова и Касимов. По такой рекомендации в областных писательских организациях должны принять участников совещания в СП. Естественно, к ней будет добавлено еще по две рекомендации местных писателей.

Великолепно придуманная форма. За то время, пока рекомендации идут законным путем наверх, у получивших их будет время осознать критические замечания, полученные в ходе совещания, выпустить какие-то новые книги.

Можно сделать вывод, что для Димитровграда итоги семинара - стопроцентно успешные. И тут я не могу не отметить личную заинтересованность главы города Владимира Алексеевича Паршина, который с самого начала, как только мы узнали о предстоящем совещании, подтвердил наше обязательное участие в нем, поставил перед нами задачу расширения и омоложения городского отделения писателей и принял на себя все расходы и хлопоты по подготовке делегации. Мы рады тому, что у нас такой глава города. Наверное, единственный в своем роде в Поволжье. Могу свидетельствовать, поскольку бывал во многих волжских городах. Скажем, в Отрадном, где мы также встречались с главой города (в Отрадном глава - женщина), она жаловалась нам на то, что не хватает денег, а на культуру в особенности. Сызранцы говорили о том, что глава города их поддерживает (там проводится традиционный литературный фестиваль, выходят книжки), но все это связывается с большими расходами и затратой огромных сил на «пробивку». Подчеркиваю, это города, где сосредоточена нефтяная, газовая и нефтегазоперерабатывающая промышленность, где, естественно, есть немалые деньги, намного больше, чем в нашем бюджете. И мы не могли поэтому подвести В. А. Паршина, оказывающего нам такое доверие.

Особенно хочется отметить, что хозяйева - отраденцы максимально сумели использовать потенциал всероссийского совещания, организовали три встречи с писателями. В библиотеке, в центральном Доме культуры и в Доме культуры «Юность». Надо сказать, этот город восприимчив к литературе и к культуре в целом.

Здесь выходят две городские газеты и одна независимая (все - еженедельные). К большому сожалению, освещали совещание, скажем, журналисты местной студии телевидения, областного телевидения из Самары, независимой газеты «Молва» (которая особенно плотно с нами работала), а официальные городские газеты с нами почти не работали.

Кстати, все участники семинаров отмечали высокий профессиональный уровень подготовки материалов к публикации и подачи их в Димитровграде и большой объем постоянно публикуемых литературных материалов. Много доброго было сказано вообще в адрес нашей делегации, мэра, поддерживающего писателей Димитровграда. Руководители Самарской областной организации напрямую

говорили: «Мы вам просто завидуем. Нам с нашим губернатором не удастся наладить никаких контактов. А у вас это так здорово получается. У вас во главе города стоит культурный русский человек».

За два последних года димитровградская писательская организация понесла серьезные потери: ушли из жизни Яков Капитонович Рогачев и Абдулла Касимович Гарипов. Сократились ряды городской писательской организации. Поэтому, конечно, стоит задача пополнения писательских рядов. Мы восполнили эту утрату, хотя восполнить потерю в литературе невозможно. Поэтому речь идет о чисто организационном восполнении. Кроме того, мы даже выросли в количественном отношении. Надо отметить как положительный факт, что двое из принятых моложе 35 лет, что дает нам надежду на дальнейшее развитие городской писательской организации. Следует отметить как положительный итог оценку и признание жанра «фэнтези» в Димитровградской литературе. Следует отметить и настоящий триумф, с которым был принят в СП на семинаре Вячеслав Первушин. Количественно мы подошли к уровню самостоятельному для нашего города. Раньше вопрос решался жестко: если нет двух книг, речи о вступлении в Союз быть не может. Сейчас перед нами та же задача. То же касается и публикаций в журнале «Черемшан», после нового года, дай Бог, он будет выходить с помощью главы города, подход к отбору материалов будет гораздо тщательнее, по качественным признакам. Пока же у нас задача в этом году - опубликовать хотя бы по одному разу всех, кто есть в литературном мире Димитровграда. И не только живущих здесь, но и тех, кто за пределами города, и не только тех, кто живет сейчас, но и тех, кто жил когда-то.

Рукописи, поступающие сегодня в редакцию журнала, также проходят качественный отбор. Этот же критерий применен и к изданию книг. Город, в котором растет писательская организация, в котором есть талантливая литературная молодежь, заслуживает того, чтобы о нем говорили, чтобы он вносил свою лепту в духовное возрождение России. Молодежь, надо сказать, у нас в городе трудная - это технократический город. И в литературном плане, в плане литературной образованности нам еще предстоит много работать. Думаю, мы с этой задачей справимся.

**Валерий Гордеев, сопредседатель ДПО,
главный редактор журнала "Черемшан".**

Пользуясь случаем, городская писательская организация, редакция журнала и делегаты Всероссийского совещания литераторов от Дмитровграда хотели бы своеобразно, "по-цеховому", отблагодарить хозяев прошедшего мероприятия, коллег из города Отрадный Самарской области. Потому на наших страницах сегодня мы предоставляем слово лучшим литераторам и писателям из этого региона. Мы хотим, чтобы дмитровградцы не только помнили своих гостей, в прошлом году посетивших наш город, но и знали их талантливые произведения. Итак:

Евгений МУХИН

*Кричи-не кричи - немота,
Хоть лоб расшиби у порога.
Мы сами разрушили Бога.
Он был во плоти и крови,
Не прятался в розовом храме,
Державу добра и любви
На равных он выстрадал с нами.
Не в лозунгах строчек и букв,
А сам, пропыленный и потный,
Не духом, а парюю рук,
Знакомых с тяжелой работой.
Делами кипела страна,
Немыслимой верой сгорая,
Проклятье кошмарного сна
С себя, как лохмотья, сдирая.
Так где же тот жар и мечта?
Пустите хоть пальцем потрогать...
Вселенная наша пуста.
Мы сами разрушили Бога.*

*Ах, если б все собрать печали
И слезы мира все собрать,
Чтоб выбить на земных скрижалях
Простое слово, слово - Мать.
Все верящие во спасенье
Не уяснили до конца,
Что свет Христа - лишь отраженье
Поостого женского лица.*

Александр ФАКЕЕВ

РУСЬ

*Семя правды посеял
апостол Андрей Первозванный,
Городами, садами
и храмами Русь поросла,
Но явился незванный
и сеял свой плевел обманный
И взошло разоренье,
развеяв Россию дотла.
Телом в гробе истлел,
только духом Андрей не истлеет!
Первозванный всегда,
снова признанный, Русь окрести!
Над воскрешею Русью
стяг Андреевский гордо возреет,
Семя правды созреет,
чтоб почву в сердцах обрести!
Крепки корни у правды,
их ливни не смоят лавиной!
Не затанет их тины
и грязи болотная груз!
Дивный сад расцветет,
будет сладок напев голубиний.
И за семенем правды
потянутся люди на Русь.*

Иван НИЖУТИН

*Есть Галактика такая
Во Вселенной мировой,
И планета голубая,
На которой мы живем.
«Город чистый, город славный», -
Так поют ребята вновь.
Про отраду, про Отрадный
И про майскую любовь.
К нам весна стучится в окна,
Белый цвет кипит в садах,
И ковер зеленый соткан
На кинельских берегах.
Солнца майские веснушки
На щеках у облаков,
И березки на опушке
Ждут весеннюю любовь.*

*«Город чистый, город славный», -
Так поют девчонки вновь
Под гитару про Отрадный
И про майскую любовь.*

Людмила НЕЙМАН

НИЧЕГО БОЛЬШЕ НЕТ

*Заштриховано небо
изломанным стержнем дождя,
Декорации утра, и цвет их -
асфальтово-серый.
На фасадах домов
больше нету портретов вождя...
Ничего больше нет:
ни свободы, ни мысли, ни веры.
Кто схватился за скипетр,
а кто - за Эдемский чертог.
Кто-то свастикой машет,
а кто-то - полотнищем красным.
Это - лишь перепутье,
здесь витязь застыл средь дорог,
Но храпит его конь,
и сворачивать вправо опасно.
А сворачивать влево -
в какой еще город войдешь?
Разворовано все,
и сам вор до костей обворован!
Может, прямо? Попробуй!
Но там есть пока только дождь.
... Сколько может лежать на краю
у дороги подкова?*

Геннадий НАУМОВ

*Все тот же мир, дома и фонари,
Все тот же снег, и белый, и холодный,
Все те же на деревьях воробьи,
И Васька - кот - и мокрый и голодный.
Все так, не изменилось ничего,
И только вязы стали чуть старше,
И лишь над грустным стало нам смешно,
И мы немного сделались мудрее.*

Стихи взяты из книг "Обращение в пустоту",
"Ветви слова", г. Отрадный.

Татьяна СТАРОСТИНА

ВЯЧЕСЛАВУ П.

И Сириус играет бриллиантом,
И полумесяц светит слишком ярко.
Так хочется пройтись с заезжим франтом:
Давно себе не делала подарка...
Каприз души, нечаянная прихоть -
Пройтись вдвоем по мокрым листьям в сквере,
По лестнице подняться тихо-тихо
И... нежно распрощаться возле двери.
И мысленно лететь за ним незримо,
Обласканной луной и звездной пылью...
Жаль, что не им.
И так невыносима
Несовместимость кандалов и крыльев.

9.10.99г.

НА ЗЕРКАЛО НЕЧА ПЕНЯТЬ...

Руководимые нынешним депутатом Госдумы Л.Кругликовым, областные неокommунисты начинают поход против духовного возрождения России и ... проигрывают судебный процесс живому классику ульяновской литературы, единственному из оставшихся в живых фронтовиков в областной писательской организации, почетному гражданину Димитровграда Евгению Ларину.

Поводом к судебному процессу в Димитровградском горнарсуде: «Евгений Ларин - против автора «Шкурника» Г.Баландина и редакции газеты «Левый марш» (орган Ульяновского обкома КПРФ, Ульяновского областного отделения общества «Российские ученые социалистической ориентации» и ООО «Ньютоновское общество») и ее редактора, помощника депутата Госдумы Л.Кругликова - А.Семенова», - послужил пасквиль, опубликованный в этой газете 2.02.99 года, в котором в грубой, оскорбительной, литературно неприемлемой форме были попорнены честь и достоинство, деловая репутация писателя Евг. Ларина.

Чем же интересен сам процесс, чем поучительны его итоги?

Во-первых, - ответчики, упорно называвшие опубликованную в газете гадость «письмом честного, возмущенного и оскорбленного автора», не смогли выдержать в ходе процесса профессионального литературного разбора содеянного ими. А после того, как из словаря «Литературоведческие термины» (Москва. «Просвещение». 1974. стр.262) им было процитировано, что «пасквиль - произведение клеветнического характера, содержащее оскорбительные измышления, призванные унижить человека или скомпрометировать социальное явление»

ние... оружие реакции, направленное на уничтожение прогрессивного общественного явления», публично признали, что именно этот жанр представлен в данном номере «Левого марша». Редактор же газеты А.Семенов вынужден был признать, что не может спорить по существу вопроса, т.к. не имеет высшего специального образования. Но считает себя удовлетворенным тем, что ему «удалось выбить перо из рук Ларина»...

Итак, определившись с жанром, некоммунисты принялись в лучших традициях партдискуссий обличать и клеймить «отступника» Ларина. Порой судебный процесс, собиравший десятки возбужденных людей определенного возраста и воззрений, походил на их очередной истерический митинг. А поводом к возбуждению кэпээрофовцев, им сочувствующих и их органов послужила документально-публицистическая повесть Евг. Ларина «Лицом к лицу», опубликованная в журнале «Черемшан» и газете «25 канал». Повесть, в которой эмоционально, но правдиво рассказывалось о судьбах советской интеллигенции, дмитровградских литераторов, свободомыслящих людей в период, когда многие заботы и чаяния их подавлялись правящей в стране КПСС, конкретными ее служителями в нашем городе, области.

И здесь вы вправе задать вопрос: какое же отношение ответчики из КПРФ имеют к деяниям КПСС? На процессе сторона истца (Ларина), которую представлял и ваш покорный слуга, исчерпывающе доказала, что - никакого! Нами были продемонстрированы суду партийные билеты и учетные карточки членов КПСС - партии, из которой мы не вышли до сего времени, партии, с проблемами которой мы, ее члены, вправе разбираться сами, без «неоадвокатов» из непонятных нам политических образований на истерзанном распрями теле России. Своими, принятыми в нашей партии методами и средствами.

Противная же сторона не смогла предъявить суду аналогичные документы, подтверждающие их причастность к КПСС. Конечно, они в КПРФ поторопились не только выписать новые партдокументы, но и сочинить программу, устав... И здесь резонно спросить: так кто же предал некогда могущественную партию, ее идеалы - те, кто и сегодня считает себя не вправе менять партийность, или те, кто приспособился в КПРФ в силу каких-то собственных интересов, возможно, и не шкурных...

Например, уже после судебного процесса ответчик и автор пасквиля Г.Баландин был рекомендован и введен в состав окружной (N11) избирательной комиссии по выборам депутата областного Законодательного собрания. И я не знаю, насколько

и какими методами и полномочиями наделяет его в том случае некоммунистическая партия и тот «режим» государства российского, связь с которым Евг. Ларина он поставил писателю в вину в своем пасквиле. Одно точно - 19 декабря Баландин будет кропотливо следить за ходом выборов, подсчитывать наши голоса, определять судьбу нашего представителя в облдуме. Лично я ему не доверяю...

Интересен и еще один аспект этого вопроса. Говоря о защите интересов всего советского народа, всех простых членов КПСС от «нападков и лжи» Ларина, обвиняя его чуть ли не в развале СССР, редактор газеты А. Семенов бездоказательно утверждал, что «КПРФ - правопреемница КПСС». И был "пойман за язык" на этой неправде. Он же в собственном материале в газете «Левый марш», призывая своих сторонников поддерживать КПРФ и ее блок «За победу!» на предстоящих выборах, утверждает, что им не по пути с псевдопатриотами и партраскольниками, такими, как... КПСС. И тогда позволительно спросить «товарищей» из КПРФ: присваивая себе право говорить от истинных коммунистов и, выступая «адвокатами» их интересов, почему же вы остались в одиночестве, и ваш «победный» блок проигнорировали десяток компартий России, существующих ныне, в том числе КПСС и СКП КПСС?

К сожалению, суд так и не смог дать ответ - чьи же интересы защищали пасквильянты в «Левом марше». В судебном процессе были указаны лжесвидетельства некоторых приглашенных к ответу сторонников «Левого марша». Но, видимо, учитывая их состояние и возраст, суд не счел возможным привлечь их к уголовной ответственности за заведомую клевету, хотя стороной истца были предоставлены документальные доказательства обратного...

Вот с доказательствами описанного в «Левом марше» у противной стороны было туго. Вернее - никак. В ходе процесса ответчики от КПРФ не представили ни одного документального свидетельства «грехопадения» писателя Ларина (нельзя же всерьез принять во внимание рукописные тексты характеристик от партии, общественности, соседей на Г. Баландина, утверждающих, что он хороший человек, если эти десятки подписей даже не заверены в законном порядке. Или отрицательную характеристику на Евг. Ларина - тоже не заверенную - от 30 соседей из 130-тиквартирного дома, а это около 400 жителей - с жалобой на то, что писатель не производит капремонт этого дома...)

Кстати, в отличие от противной стороны, которую поддержали не «весь простой народ», как они заявляли, а только члены КПРФ и их сторонники, в защиту Ларина, как и его признания почетным гражданином города, выступили: коллектив ДААЗа, городское объединение избирателей, редакция газеты «25 канал», представители татарской диаспоры, городское писательское отделение, коллектив объединенных библиотек города, многие представители интеллигенции.

Поражение неокommунистов в этом судебном процессе было предопределено и как бы предвосхитило предстоящие выборы. Неправда, зло, оскорбление человеческого достоинства не могут повести за собой людей, не могут стать привлекательным делом для здравомыслящего гражданина. Потому народный суд, под председательством судьи Жоровой, решил: «... Требования Ларина Е. С. о возмещении морального вреда... обоснованны, поскольку данные требования основаны на законе. Доводы истца о том, что опубликованием... в газете с десяти тысячным тиражом ему были причинены физические и нравственные страдания, суд считает обоснованными, поскольку Ларин, которого многие жители города Димитровграда и Ульяновской области знают как писателя, был представлен исключительно в негативном свете, в связи с чем истец испытывал страдания, повлекшие ухудшение его здоровья.

...Обязать учредителей газеты «Левый марш» - Ульяновский областной комитет КПРФ, Ульяновское региональное отделение общества РУСО, общество с ограниченной ответственностью "Ньютоновское общество" - опровергнуть сведения, содержащиеся в статье «Шкурник»... как не соответствующие действительности и порочащие честь и достоинство, деловую репутацию Ларина Евгения Степановича, а также принести свои извинения Ларину... за опубликование не соответствующих действительности сведений.

...Взыскать с учредителей газеты... в возмещение морального вреда 5000 (пять тысяч) рублей, в возмещение расходов по оплате государственной пошлины 8 руб. 35 коп., в возмещение расходов по оплате услуг адвоката 500 руб. в равных долях...»

Чем же измерить подлинное моральное страдание, переживания, нервный срыв и физическое увечье (в ходе процесса тяжело заболевший Ларин был доставлен в ЦРБ, где после длительного лечения его признали инвалидом), нанесенные неокommунистами писателю посредством письма Г. Баландина, печатного слова "Левого марша", оскорбительного для нас по-

ведения редактора газеты Семенова и философа из ДИТУДа Ф.Еркина на процессе - такой ударной силы обкома КПРФ, РУСО и т.н. последователей Ньютона (того самого, которого озаряло только когда ему на голову падало яблоко)? Разве извинениями, рублями можно вернуть те 3-5 лет, которые после данного потрясения не доживет теперь писатель и уважаемый в городе человек? То, что не удалось в войну фашистам - Ларин был ими только ранен - с успехом продолжили люди, руководимые Л.Кругликовым в области и Г.Мурзахановым в городе. Они били наверняка, самым совершенным оружием массового поражения - словом - в писателя! И - человек стал инвалидом (стреляли-то в сердце, в душу); поганое слово оборвало творчество писателя, - возможно, недописанные им главы смелой и честной (какой полемики и требует в партии Устав КПСС), очищающей и правдивой повести «Лицом к лицу», показывающей советскую изнанку, уже останутся недоступными новым поколениям нашей молодежи; оскорблены в своих лучших чувствах и признании культурных заслуг перед ними десятки тысяч димитровградцев, определивших Ларина как своего почетного гражданина...

Остается только мораль. Суду. Автору пасквиля. Издателью. Всем от КПРФ.

А она такова: суд в Димитровграде не только защитил от произвола словесного и угрозы реванша с приходом неокommунистов к власти писателя, воина, гражданина Евг. Ларина. Суд защитил честь и достоинство, оградил от пасквилянтов еще и таких хороших людей, которых рядом с Лариным не преминули упомянуть в «Шкурнике», - Михалкова, Ельцина, Горячева, Рябухина.

Трусливая тактика пасквилянтов не позволила привлечь к ответственности редактора Семенова и редакцию «Левого марша», прикинувшись юридически не ответственными лицами и несостоятельными (хотя редакция имеет доход от распространения тиража, оргтехнику, и ее ответственность в этом плане точно определена «Разъяснением» Указа Президента РФ от 1994 г. Роскомпечати и Судебной палатой). «Левый марш», сбившись с шага, укрылся за спинами учредителей, чьи карманы опорожнило судебное решение.

Полностью был выведен из-под ответственности Г.Баландин. Тоже - хороший человек, но несостоятельный финансово пенсионер. Этот скрылся за спину редактора газеты, доказывая, что его рукопись не содержала оскорблений, но была

круто отредактирована в «Левом марше». Суд обошелся с ним более чем снисходительно. При этом проигнорировав, что Баландин не возмущился фактом грубой правки его письма, не обжаловал решение редакции - т.е. был с ней солидарен. Кроме того, статья 52 Закона РФ о СМИ разъясняет, что статус журналиста распространяется и на «авторов, не связанных с редакцией... трудовыми или иными договорными отношениями». А значит, со дня публикации пасквиля Баландин и «Левый марш», как сиамские близнецы, - плоть от плоти, слово за слово - равноправные ответчики за клевету.

Итак, неоккоммунисты, бежавшие от КПСС, начинают... и начисто проигрывают свое «правое (или левое?) дело» в Дмитровграде.

В.ГОРДЕЕВ, русский писатель.

МЕЛЕКЕССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ

О чем хотелось бы поговорить в этот «урожайный» на мелекесские литературные юбилеи год, - так это о том, почему и с чьей подачи сегодня наши земляки, творческая интеллигенция и общественность Димитровграда не могут достойно почтить память и отдать должную дань своим известным согражданам и их творчеству.

О том, что в подобной ситуации уже года через три в наших школах, училищах, техникумах-колледжах, институтах и академиях новое поколение юных димитровградцев не только взрастет «иванами - родства не помнящими», не знающими истории родного края, его письменных памятников, не уважающими благого дела, что было сделано их предками, добра, но и вообще, возможно, исчезнет как предмет обучения и сама литература... А за ней - история... Об этом нам в журнал уже пишут подметные письма. Пишут технократы, считающие, что Россию погубили мы - гуманитарии. Они требуют немедленно отменить в школах преподавание родной литературы. И в этом они не одиноки, руками и «разумом» таких новоявленных ученых-правителей новой России в Государственной думе уже подготовлен аналогичный проект по обеспамятливанию всех нас, наших детей. О превращении великой нации в манкуртов.

И руку к подобному зомбированию приложили наши депутаты горсовета, тоже не уважающие ни истории города, ни своих избирателей, ни национальной литературы. И, если они еще пока позволяют выходить в свет нашему «Черемшану» на скудные крохи финансирования с их «барского стола», то вот ни нынешним писателям, ни общественности города возрождать и развивать мелекесско-димитровградскую культуру и тради-

ции, ни помянуть величие предков наших уже, по разумению нардепов, незачем и нечем.

Высоко нравственную позицию в Городском совете проявляют только истинные народные избранники и защитники родного Слова А.Белова, М.Мельников, Р.Алеев, С.Костин, И.Глушко. Для остальных самолюбование в политической жизни и пастьи функции на фоне всеобщей глухоты и темноты провинциальной «черни», видимо, важнее, чем принципы воспитания просвещенного гражданина?

Чем можем, тем и поминаем мы сегодня светлую память о прошлом величии нашего мелекесского края, об истинной духовности и чести в нашей родине. Мы, писатели Димитровграда, всего лишь хотим воскресить несколько особых юбилейных страниц жизни и творчества наших славных земляков, коллег.

Дмитрий Васильевич ГРИГОРОВИЧ

Сто лет со дня памяти исполнилось в этом году великому русскому писателю, нашему земляку ГРИГОРОВИЧУ Дмитрию Васильевичу.

Он родился в городе Симбирске. Детство и юность Дмитрий Васильевич провел в селе Никольское-Черемшане (ныне Мелекесского района). И это, естественно, не могло не найти отражения в его творчестве.

Первые свои произведения Дмитрий Васильевич Григорович написал уже в 40-е годы прошлого столетия. Тогда широкую известность ему принес очерк, в котором он отразил нравы столичного общества, где тогда уже находился и сам автор, - «Петербургские шарманщики». Вскоре его работы и произведения удостоиваются положительной оценки известного российского критика Виссариона Григорьевича Белинского.

История судьбы русской крестьянки, рассказанная Григоровичу его матерью в один из приездов писателя в родовое поместье - Никольское-на Черемшане, легла в основу повести Дмитрия Васильевича «Деревня». История нашего края - Причеремшанья, судьбы и характеры наших предков воспел этот мастер художественного слова в своих книгах: «Антон-горемыка», «Капельмейстер Сусликов», «Пахарь», «Кошка и мышка», «Пахатник и бархатник».

Значение творчества Дмитрия Васильевича Григоровича и сегодня не потеряло своего высокого нравственного значения, исторической подлинности. Оно является образцом типизации русской действительности XIX века. Стилист, яркий рассказчик, знаток всех тонкостей русского языка, Григорович стал неотъемлемой частью великой русской культуры, национальной истории, этнографии нашего народа.

Николай Васильевич ШЕЛГУНОВ

175 лет назад родился будущий революционный демократ, народник, яркий публицист, единомышленник Николая Чернышевского, друг и соратник Александра Герцена и Николая Огарева - наш земляк Николай Васильевич ШЕЛГУНОВ. А 150 лет назад государственный лесной ревизор по Симбирской губернии Н.В.Шелгунов впервые появился в нашем посаде Мелекесс для обустройства здесь государственной лесной дачи и контроля за использованием лесных ресурсов.

Шелгунов оставил нам свои литературные воспоминания об этом периоде своей жизни, о природе симбирского Заволжья, Мелекессе.

Родился Н.В.Шелгунов в Петербурге, в небогатой дворянской семье. Воспитывался и учился в Александровском кадетском корпусе, затем в Лесном институте, после окончания которого и поступил на госслужбу в Лесной департамент.

В Мелекесе впервые чиновник и писатель Шелгунов появился летом 1849 года. Талантливый специалист, имевший уже несколько научных изысканий в области лесоводства, был оставлен при Управлении казенными землями, находившемся в Самаре (этот город на тот период был на правах уездного, входившего в состав Симбирской губернии).

Только в 1853 году Николай Шелгунов вновь переехал в Петербург. Позднее, в своих зарубежных поездках, в кругу столичной интеллигенции, свободомыслящих просветителей он познакомился со многими видными деятелями того времени: Герценом, Огаревым (имевшим самое непосредственное отношение к Симбирской губернии), Чернышевским, Добролюбовым, Михайловым, Благосветловым, Щаповым, Соколовым, Зайцевым, еще одним нашим земляком - Дм.Минаевым.

В 1862 году Шелгунов едет в Сибирь, где отбывал каторгу его друг и представитель революционных демократов М.Михайлов, взявший на суде на себя и «вину» самого Шелгунова. От общества «Земля и воля» Шелгунову было поручено организовать побег Михайлова, а в случае крестьянского восстания в Сибири - возглавить народный бунт...

И все эти годы, до самой кончины, Николай Васильевич Шелгунов работает не только в организациях российской оппозиции, но и создает множество статей, очерков, литературно-критических произведений. Он публикуется в таких журналах как «Русское слово», «Дело», «Русская мысль». Для нас несомненный интерес представляют его публицистические работы педагогико-политической направленности, такие как «Из писем о воспитании». Именно они, как нам кажется, наиболее полно сегодня отражают определенную страницу в литературе «шестидесятников» прошлого века, суть мировоззрения и творчества нашего земляка.

Артем ВЕСЕЛЫЙ **(Николай Иванович КОЧКУРОВ)**

Наиболее яркой фигурой в литературно-краеведческом наследии Мелекеса считается советский писатель и первый редактор нашей городской газеты - Артем ВЕСЕЛЫЙ (Николай Иванович Кочкуров). 100-летие со дня его рождения негромко, но все же отметила городская общественность, особенно коллективы учебных заведений города. Одна из улиц Дмитровграда сегодня носит славное имя писателя.

В Мелекесе юный большевик Кочкуров появился в конце 1918 года. Город только что был отбит красногвардейцами у войск Комуча. Нужно было налаживать жизнь по-новому. Эту задачу и решал секретарь Укома партии и редактор посадской газеты, которому только что исполнилось 20 лет...

Артем Веселый в наших краях более известен тем, что он, не убоившись репрессий, выступил против разнузданного самоуправства, произвола и распутства войсковой и уездной ЧК. После его публикаций на страницах «Знамени коммунизма», требований, писем в Самару состав ЧК был полностью заменен, а сам редактор Кочкуров был поставлен контролером от губкома за деятельностью мелекесских чекистов.

Потом было три года фронтов гражданской, редактирование газеты передвижного агитпоезда председателя ВЦИКа, служба во флоте, учеба в литературно-художественном институте им. Я.Брюсова.

Писатель Веселый известен в ранней советской литературе как один из основателей литературного направления «Перевал», основатель «Молодой гвардии», пропагандист и последователь футуристического жанра и творчества В.Хлебникова. Книга Артема Веселого «Россия, кровью умытая» и «Гуляй Волга» вошли в сокровищницу советской литературы как произведения, реалистически показывающие события из истории России, образцы яркого, самобытного языка, неожиданных «артемовских» образов.

Писатель, звонко и зло выступавший против утверждающегося в СССР комчванства, всевластия советской бюрократии, немало насоливший чекистам с - грязными руками и кривой душой - был резко подвергнут обструкции на страницах подловатых СМИ («Правда», «Комсомольская правда, «Молодая гвардия»), поводом к которой послужил его полурассказ «Босая правда», был арестован НКВД в 1937 году. И, как и призвал тогда обласканный властями нерусский поэт И.Уткин, буквально - «шлепнуть из винта» - нашего земляка А.Веселого, Артем был убит в чекистских застенках в 1939-м.

К счастью, за свою недолгую, но боевую жизнь Артем Веселый успел сделать немало доброго, честного, «антипартийного». Что спасло жизни и судьбы многим людям, и не только мелекесцам. Оттого память о нем, его книги, его мысли и слова, - так дороги нам и по сей день. Это особо отличает писателя-коммуниста, красного воина от той большевистской шелухи, которая долгое время узурпировала для себя право казнить и миловать великий народ.

Портрет работы
А.Юстицкого

Александр Гервасьевич ЛЕБЕДЕНКО

50 лет назад судьба бывшего политзаключенного сталинских застенков, крупного советского писателя-ленинградца Александра Гервасьевича ЛЕБЕДЕНКО свела с нашим провинциальным Мелекесом, определенным ему местом ссылки. Старожилы еще помнят этого интеллигентнейшего и умнейшего человека, который вынужден был работать истопником или подрабатывать на хлеб насущный частными и тайными уроками иностранного языка, заметками (под псевдонимом) в местной газетке. Здесь же он основал и нынешнее наше литературное объединение «Черемшан»...

А.Лебеденко родился в 1892 году. С 1915-го - на фронте Первой мировой. В 1918-м - доброволец Красной армии. Лебеденко был и делегатом

Второго конгресса III Интернационала, встречался и беседовал там с В.Лениным. В 20-е годы он сотрудник ряда газет, издательств, РОСТА. Литературная деятельность его отмечена повестями и романами: «Четыре ветра», «Восстание на «Св.Анне», «Первая министерская», «Дом без привидений», «Тяжелый дивизион», «Лицом к лицу». После 1953 года, когда Лебеденко было наконец разрешено выехать из мелекесской ссылки, Лебеденко на родине руководил секцией прозы Ленинградской писательской организации.

А.Г.Лебеденко, необоснованно репрессированный в 30-е годы, как бы наверстывал упущенное за это время отлучения от творчества, вновь создавал талантливые книги, растил литературную смену.

Он скончался в Ленинграде в возрасте 83 лет. Но память о нем, свободомыслящем человеке, просветителе, писателе-наставнике, до сей поры живет вот уже в нескольких поколениях мелекесских литераторов. Его дело - возрождение литературных традиций в России, как и в нашем Мелекессе-Димитровграде, начатое ссылным писателем, живо и по сей день. Живо, как память наших сердец о талантливом человеке, гражданине.

**Портрет работы
неизвестного
фотомастера начала
века. На снимке наша
землячка, семья
которой проживала в то
время в посаде
Мелекесс.**

**На снимке внизу: 20-е
годы нашего столетия.
Вот такими бабушки и
мамы выглядели в
компаниях
послереволюционной
молодежи.**

А что, - и в 30-е годы можно было найти среди советской молодежи такую вот симпатичную зазнобу! На снимке наша землячка Александра.

...И все еще будет, будет... Мещаночка из Мелекесса с своим суженым решили посетить фотосалон в посаде, чтобы оставить фотопамять о себе потомкам. Еще не свершилась русско-японская... большевистский переворот... гражданская-братоубийственная и не одна из войн с немцами. Фото редкого для России мирного периода.

В конце 50-х самые симпатичные в Мелекессе были фабричные девчонки, такие как Чукаева...

Надежда Каминская позировала фотокорреспонденту местной газеты в 1958 году. Тогда ей только исполнилось девятнадцать... Смотрите, какой радостный, теплый взгляд ее глаз лучится с фото! Она писала: «Весна 58-го - время оттепели. Оттепель была везде: в политике, природе, глазах людей...» Все наши земляки жили большими надеждами, и оттого казались еще более красивыми. И эту красоту они завещали своим детям и внукам.

Димитровградка Наташа, что так экстравагантно позирует фотомастеру В.Пчелинцеву, видимо, вместе с нашей необычной по красоте природой переняла от своих предков и красоту, и задор, и внутреннюю уверенность, и это выражение света и добра, которые переходят по наследству.

Свою работу - этот фотопортрет нашей современницы из Димитровграда - Владимир Пчелинцев назвал незамысловато: «Просто Катя...» Однако красота почти никогда не бывает «просто». Этот снимок - лишнее подтверждение тому.

**Исполненный по всем законам
геральдической науки подлинный, так,
как он должен был бы выглядеть,
Герб посада Мелекесс**

**Графическое исполнение Герба известного в мире художника
Виталия Золтоева**

(Материал по геральдике посада Мелекесс читайте в следующем номере журнала).

Храни нас
сень Святого
Православного Креста

СЕНТЯБРЬ
1999

9

Литературно-художественный
и краеведческий журнал